

МНЕМОНИК
КАТЭР ВЭЙ

я превращу
твоего мужа
в АД

ИДДК

кубический пупен !!!

Толик, Петя и хомяк

Катэр Вэй

Неправильный попаданец. Книга 3

«ИДДК»

2026

Вэй К.

Неправильный попаданец. Книга 3 / К. Вэй — «ИДДК»,
2026 — (Толик, Петя и хомяк)

"Неправильный попаданец" – роман Катэр Вэй и MnemoniK, третья книга цикла "Толик, Петя и хомяк", жанр попаданцы в магические миры, юмористическое фэнтези. Ох уж эти боги и демиурги со своими интригами и исполнениями желаний! Правильно мне говорили: "Бойся своих желаний". Хотел Толя вернуться в родной мир? Да пожалуйста! И тело тебе новое даже подарим – вот оно, бери не глядя. Вот только, один маленький нюанс: оно немножко... умерло. И чуть-чуть похоронено. Но ты же, Толя, справишься со всем, верно? А я-то думал, что хуже уже быть не может... Но вот парадокс: теперь уже и не хочется в тот самый "родной мир". Теперь хочется совсем другого – развернуться да пойти обратно. И в голове зреет одна простая мысль: "А не надавать ли мне по щам этому демиургу? За всё хорошее." **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, БЕЗ ПОДРОБНОСТЕЙ И ПРОПАГАНДЫ. КНИГА ЗАПРЕЩЕНА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СРЕДИ ГРАЖДАН РФ МЛАДШЕ 18 ЛЕТ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ ЖЕСТОКОСТИ И НАСИЛИЯ.**

© Вэй К., 2026

© ИДДК, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Катэр Вэй, MnemoniK

Неправильный попаданец. Книга 3

© Вэй Катэр, MnemoniK

© ИДДК

Глава 1

Вы когда-нибудь просыпались в гробу? Ну, в таком прямоугольном, бархатом обшитом, с мягкой подушечкой внутри? Нет? Вот и у меня это первый опыт. В фильмах всё показывают красиво: разломал ящик и аки червь или глист пополз к небу звёздному аккурат в полнолуние. Только реальность далека от фильмов. Или, может, фильмы далеки от реальности. Ну, вы поняли...

Первое, что начало меня напрягать, – разреженный воздух. В гробу места мало, кислорода – ещё меньше. Минут на двадцать-тридцать, если лежать спокойно и дышать через раз. А если пытаться пробиться через толщу земли...

Я попытался сесть и почти сразу почувствовал, как по спине побежал первый ручеек пота. Земля хоть и была не утрамбована, но пропихивать её ногами в конец гроба – то ещё удовольствие. Особенно когда колени согнуть невозможно – пространство настолько тесное, что любое движение превращается в мучительную гимнастику.

Дальше – больше. Расширить отверстие в хлипких, но упрямых досочках оказалось непростой задачей. А просунуть в него мою... скажем так, внушительную тушу – вообще атас. Да-да-да! Я опять жирный лесной ублюдок и вдобавок ко всему свежепреставившийся. Прелесть просто.

Но раз я в гробу, в пиджаке и под землёй, значит, нахожусь в довольно развитом мире. Увидеть бы ещё, насколько развитом, чтобы понять, как себя вести. Но за этим дело не станет. Главное сейчас – вылезти из могилы.

По моим ощущениям, я ковырял землю целый час – бесконечный, изнуряющий час. Как я выжил? С трудом, невероятным, почти невыносимым. В глазах плыли белые пятна, сознание то и дело туманилось, будто я балансировал на грани обморока. Но когда наконец смог встать в полный рост и продолжил рыть уже вытянутой рукой, стало чуть легче. Слой земли над головой понемногу истончался, начиная пропускать живительный кислород.

А вскоре случилось то, чего я ждал с замиранием сердца: земля вдруг обвалилась прямо мне на лицо. Я отплёвывался, смахивал комья с глаз, а потом – о чудо! – смог задышать полной грудью. Воздух! Свежий, сырой, но такой желанный воздух...

Первостепенная проблема решена – я не задохнусь. Хотя тут же в голову полезли странные мысли: «Может, я бессмертный? Или у меня есть что-то вроде реса? Как в играх – воскресать можешь...»

Действительно, крайне удобно. Тогда зачем я страдал целый час? Можно было просто тихо и мирно уснуть и проснуться в более презентабельном тельце и в месте поприличнее. Но рисковать совершенно не хотелось. Инстинкт кричал: «Действуй! Не жди чуда!»

И вот теперь передо мной встала новая, не менее острая проблема: как вылезти? По пояс я себе место освободил, дальше кое-как втиснул пухлое тельце в узкий проход и вытянул руку. Она-то и прокопала первую норку, но тут же земля осыпалась. Даже если я выкопаю себе тоннель, то как вылезать? Дилемма, чёрт возьми!

Я ковырялся до глухой ночи – упорный, измученный, но не сдающийся. Расширял тоннель, выковыривал углубления для ног и рук, превращая отвесную мягкую почву в подобие лестницы. Каждый сантиметр давался с боем. Голод и слабость тела угнетали, тянули сознание в тёмную бездну усталости. Но я упрямо продолжал.

Упираясь жирной жопой в одну стенку, вставляя ноги в импровизированные упоры в другой, цепляясь за грунт руками, я совершал невозможное. Пальцы ныли, мышцы горели, но я полз вверх – сантиметр за сантиметром, преодолевая сопротивление земли, преодолевая самого себя.

«Ещё чуть-чуть... Только не сдаваться...» – билась в голове одна-единственная мысль, подгоняя меня вперёд, туда, где сквозь толщу земли уже пробивался призрачный свет надежды.

Я лежал между двумя холмиками свежих могил. Одна из них, правда, была изрядно попорчена – это я постарался во время своего эпического выползания. Но кого сейчас волнуют такие мелочи? И вот наконец-то я вылез.

«Я родился! Ха-ха-ха!» – бестолковая мысль вспыхнула в голове, вызвав хриплый смешок.

Отплёвываю вязкую слюну. Земля скрипит на зубах, оставляя противный земляной привкус.

Я лежал запыхавшийся, грязный, весь в земле и поте – но живой. Медленно поднял глаза и улыбнулся. Я дома! Я лежал и смотрел на звёздное небо и улыбался – ковш Большой Медведицы я узнаю где угодно.

Но радость длилась недолго. Едва эта мысль согрела душу, как на смену ей пришла горькая реальность. Да, я дома – на своей планете. Но что это меняет?

«Магии во мне – шиш, – пронеслось в голове. – В планете, конечно, что-то есть, но крохи. И отдавать их она категорически не хочет. – Мысли неслись вихрем: – Гекату, похоже, уничтожил этот ублюдок-демиург. Петя свистнул моё тельце – теперь оно принадлежит ему. Хотя, по сути, оно и так ему принадлежало. Но! Я долго и мучительно приводил это тело в порядок, а когда довёл его, так сказать, до ума... Обидно, да. Ещё Света предала по полной – выпустила этого ублюдка Сам Ди, мать его, барона в астральный мир. Пушистик, скорее всего, жив, иначе Петя уже сыграл бы в ящик».

Это хоть как-то успокаивало. У меня были шансы выжить. Более того, я даже малопомалу придумывал план, как избавиться от этого мохнатого прилипалы и при этом остаться в здравом уме и при своих способностях. Правда, ни черта не придумал. Не успел.

И всё же... Сейчас я бы многое отдал, чтобы хомяк был рядом. Хоть он и занозистый, но всё-таки свой.

Зато были и плюсы.

В голове – полная пустота: ни чужих голосов, ни навязчивых мыслей. Я по-прежнему мог погружаться в своё сознание. Там – белая мягкая комната. Правда, без дверей. Но это уже детали.

«Прекрасно, – усмехнулся я про себя. – Я сам себе хозяин, сам себе господин».

Только вот ощущение неправильности не отпускало. Что-то было не так. Что-то ускользало от понимания, словно тень на краю зрения.

Я сел, отряхнул с лица комья земли и наконец обратил внимание на крест рядом. На табличке чётко проступали буквы:

Сумкин Фёдор Михайлович

18.07.1985–17.09.2025

– Ага, Фёдор Михайлович, ещё и Сумкин! – пробормотал я, невесело усмехаясь. – А где тогда моё кольцо? Где мой Сэм? Где дорога в Мордор?

Вопросы повисли в воздухе, не найдя ответа. Вокруг – тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра в траве. Я остался один на один с этим миром, с его тайнами и загадками, и с собой – таким, какой я есть сейчас.

Дядьке сорок лет, а судя по форме тела – ожирение. Инфаркт. «Нехер жрать, одним словом», – мысленно констатировал я, разглядывая могилу.

Если прикинуть дату смерти и учесть, что похоронили меня (то есть его) сегодня, выходит, меня не было дома всё то время с момента моего залёта в тот злополучный район и вплоть до сегодняшнего дня. Я бегал по мирам чуть больше двух месяцев. Вроде и недолго, но ощущение такое, будто полжизни пролетело за этот краткий срок.

И мне бы радоваться, что хоть так, хоть в теле этого Сумкина, но мне всё же удалось вернуться в свой мир – ан нет. Внутри жило странное, липкое чувство неправильности. Я напряг свой мыслительный самоанализ, пытаюсь определить, что же это за чувство такое – то, что так сильно жгло меня изнутри, не давало покоя и не пускало радость в душу.

– Жажда мести! – выпалил я вслух – и тут же сам от себя выпал в осадок.

«Да ладно. Никогда такого не было – и вот опять», – усмехнулся я мысленно с горечью, сарказмом и иронией.

Но если без шуток – это чувство давно казалось мне забытым, бессмысленным. Во всяком случае, в моей прошлой жизни мстить мне было некому. Всем, кому хотел, я отомстил давно.

А когда спустя годы я стал довольно значимой личностью, обидеть меня мог либо идиот, либо крайне серьёзный человек. Первые не жили долго, а со вторыми я предпочитал не связываться в принципе. Поэтому меня не обижали – меня любили и уважали.

Но тут другое.

Убили моего ребёнка. Пускай только-только зачатого. Пускай случайно. Но это же за гранью. Да, любви к Гекате как таковой не было. Обижать её не хотелось, но сворачивать горы ради неё... даже не знаю.

Квакеров жалко очень. Глупый и добрый народ. Атланты... зионцы... Добромир! Шая...

Что эта тварь делает – или уже сделала – с ними? А как же Аврора?

«Дьявол!»

Нет. Была у меня первая крамольная мысль: забить на всё и остаться спокойно жить в этом теле. Но нет! Надо найти путь обратно и навалить убудку. Только вот вопрос: как всё это сделать?

– Давай рассуждать логически, Толя. – Я откинулся на насыпь своей могилы, удобно устроив голову на букете каких-то цветочков с чёрными ленточками, закинул ногу на ногу и стал рассуждать вслух: – Что нам надо? Наверное, для начала разобраться, есть ли разломы на планете. Думаю, это самое важное! Как это сделать? – Я задумался. Крайне не хватает собеседника. – Пушистик! Точно, мне нужен деймон! – произнёс я и сам удивился. – Боги, не верится, что я это говорю, но он мне нужен. Где тут взять хомяка? – Я поднялся на непослушные ноги и, шатаясь, осмотрелся. – Беда!

Улыбка сама вылезла на мою морду лица и тут же ушла. Я не знаю, где я. Темно. Непонятно, куда идти.

Целый час я потратил на поиски собеседника. Могилы, могилы, могилы. Одни могилы вокруг – и ничего не видно. Фонари на кладбище на фиг никому не нужны: тут обычно нет ночных посетителей. Так что я в потёмках шарил по кладбищу, пока не увидел свет в сторожке.

Собеседник – хотя так сразу и не скажешь – крайне удивился гостю и чуть-чуть потерял сознание. Ну а что? Я – типичный зомби. Морда припудрена и покрашена, но в процессе вылезания из могилы я потел – всё потекло. На мне костюм, весь испачканный и подранный. Разбиты костяшки правой руки, а голос... прямо скажем, странный. Утробный какой-то, и язык плохо слушается.

Петиным телом я овладел как-то легко и просто, даже подрался спустя мгновение после переноса. А тут как-то туго всё идёт.

– Дед, воды дай! – ввалился я в дверь сторожки.

От моего вида дед и отключился. Я даже побоялся, что пенсионер отъедет раньше срока. Но нет, маленький, сухонький дедулик жив. Просто без сознания.

Я схватил чайник, предварительно его пощупав – не дай бог залью в себя кипятком, – и осушил сосуд через носик. Прямо Карлсон, ей-богу, подтяжек и пропеллера не хватает.

Приводить деда в чувство я не стал – вместо этого обшарил карманы. Телефон (благо не кнопочный), немного налички, банковская карта, чехол для очков, паспорт и ключи от квартиры, наверное. Деньги не тронул: зарплата, по-любому, нищенская. А вот телефон мне нужен.

Нет, воровать я не стал. Сел на второй стул и залез в интернет – благо пароля на телефоне не было. Дед всё же!

Первым делом – карта, геолокация.

Кладбище Высокого, Владимир. Нормально закинуло: до дома в Москве – двести километров. До родного – дальше.

Затем – новости. Я стал листать информацию о происшествиях за последние полтора месяца, что меня не было на планете. А произошло немало всего, не считая рядовых новостей о нескончаемых войнах, постепенно уходивших на задний план. Их выдавливали новости о разломах.

Причём здесь их упорно называли пятнами. Ну и пёс с ними. Пятна так пятна – ничем не хуже дверей или порталов.

Пятна открывались редко и особо никак себя не проявляли. На всю планету известных пятен-разломов было всего сорок семь. Но, зная интернет, скорее всего, их было многократно больше.

Все новостные ленты пестрели заголовками:

«Если вы обнаружили пятно, срочно покиньте территорию и позвоните по номеру +7****».

«Не приближайтесь к пятнам, они могут быть радиоактивны!»

«Соберём деньги на нужды пострадавших от пятен людей! Номер счёта для пожертвований 5400****».

И прочее, и прочее, и прочее.

Были кадры и целые ролики, как от простых людей, так и от новостных программ. Военные быстренько брали в оцепление большие площади вокруг разломов и никого туда не пускали.

Сразу же появились различные движения.

Одни кричали, что это инопланетное вторжение, приводя в пример кадры, как из одного разлома выходят странные создания. Таких я, кстати, ещё не видел: человекообразные существа с синюшной кожей, коленями в обратную сторону и головами орлов. Крыльев не было, пальцы удлинённые, длинные когти. В руках – мечи и щиты.

Другие кричали, что все имеют право пользоваться благами, которые послал Всевышний, и всех надо пустить прикоснуться к чуду.

Третьи кричали, что это кара господня, а разломы – порталы в ад. «Все грешники обязаны добровольно уйти туда, иначе настанет конец света!» – вещали они с горящими глазами, размахивая самодельными плакатами.

Теорий было множество, и некоторые, надо признать, не так уж далеки от истины. Но суть оставалась прискорбной: к разломам так просто не подобраться. К тому же большинство из них, насколько я мог судить по редким кадрам, были неактивными. Да и размеры их... не впечатляли. Ни масштабом, ни угрозой.

Я вглядывался в снимки, анализировал цвета и насыщенность разломов. «Пока планете везёт, – мысленно отмечал я. – Все разломы красочные, но не слишком яркие. Значит, на других сторонах – развитые, более-менее мирные и не слишком сильные соседи».

Возможно, именно поэтому даже из активных разломов никто не идёт. Им это не нужно. А ещё... отсутствуют гнилостно-зелёные разломы. Во всяком случае, фотографий с ними я не нашёл. Ни одной.

«Вообще всё как всегда: от нас скрывают всю возможную информацию, – с горечью подумал я. – Боятся за наше душевное спокойствие».

Это всегда раздражало. А сейчас, когда информация жизненно необходима, – тем более. Мне кровь из носу надо вернуться. Назад. В свой мир. К своим.

«Стоп! Так я же уже в *своём* мире. Или... Или для меня это уже не мой мир? Значение изменилось?»

Я прислушался к своей душе. Однозначно меня тянуло *туда*. А тут меня больше ничего не держало.

– Куда я собрался? – вслух произнёс я, словно пытаюсь услышать ответ в ночном воздухе. – Во мне сил – кот наплакал. Даже если я каким-то чудом проскачу через херову тучу разломов и найду астральный мир... что дальше?

Надо. Надо подкачаться!

Положив телефон обратно в карман деда и аккуратно распахав остальные вещи по местам, я вышел из сторожки. Ночь не спешила уходить – час ночи, как-никак. Я глубоко вздохнул, прикрыл глаза и заглянул в себя.

Так и есть. Резервуар есть, но крошечный. Нужно его увеличивать. Только вот вопрос: как?

Первый барьер, как я понял, самый сложнопреодолимый. Мою душу тогда Бог собирал по крупичкам. Да и сам резерв изначально достался от Петруши. А сейчас... если я убью кого-нибудь, выдерну бусинку и попытаюсь её «поглотить», меня порвёт на сто процентов. К тому же не во всех мирах такое практикуется. Некоторые даже не знают о существовании камней силы.

Я приложил руки к земле, всмотрелся внутренним зрением. Планета иссушена. Доступ к остаткам силы заблокирован. «Вообще удивительно, как она ещё жива, – пронеслось в голове. – По сути, мёртвый мир».

Ситуация патовая.

Резервуар почти отсутствует – и он пуст. Планета мертва – зачерпнуть даже крупичку нереально. Разломы охраняются – к ним не пройти. Помощников нет. Денег нет. А жрать охота. Я медленно поплёлся к выходу с кладбища. Делать всё равно нечего.

Но стоило дойти до калитки, как меня осенило!

– Я на кладбище! – выкрикнул я, и меня развернуло на сто восемьдесят градусов. Я рванул обратно.

Зачем? Еда! Мне нужна еда! И нет, я не собирался жрать свежие трупы. Конфетки! Глюкоза! Еда!

Уже через полчаса блужданий по кладбищу я насобирал полные карманы конфет. Наша чудесная традиция оставлять на могилах еду просто прекрасна. Заодно и помянул кучу людей – мысленно, конечно.

Уже более довольный, жуя конфетки, я снова заглянул к деду.

– Дед, дай воды! – промямлил я, жуя и плямкая, вновь вваливаясь в сторожку.

Дед снова в обмороке. Ну да. Краше я не стал, а ещё и жую, понимаете ли, что-то. Но деваться некуда: конфетки сладкие, пить захотелось.

Чайник был горячий, пришлось искать альтернативу. Она нашлась быстро: половина пятилитровой бутылки с водой стояла в углу. Я осушил её в один мах – литра, наверное, два. Потом подумал и взял бутылку с собой. Не буду же я в третий раз беспокоить деда? Так можно его и до инфаркта довести.

Кран нашёлся недалеко от сторожки.

Вот теперь, довольный и почти сытый, продолжая жевать конфетки, я выдвинулся в сторону города. Планов толковых не было, но сидеть на кладбище – то ещё занятие.

Город я знал плохо, как и его окрестности. Примерно сориентировавшись, двинулся по трассе вдоль карьеров в сторону центра. Предстояло пройти километров десять, может, пятнадцать.

Ночь обволакивала, звёзды мерцали высоко-высоко, а я шагал, перекачивая во рту сладкую конфету и пытаюсь собрать мысли в кучу. «Что дальше? Как подкачать резерв? Где найти путь обратно?» – вопросы крутились в голове, но ответов не было.

Только дорога. Только шаги. Только ночь, которая, казалось, знала ответы, но не спешила их выдавать.

Как же это было тяжело... Новое тело буквально пыталось умереть. Одышка – неужели опять астма? Сердце колотится как невменяемое – тахикардия. Ноги едва шевелятся – ожирение. Пот катится градом – даже не знаю, всё вместе, видимо.

Я шагал, с трудом переставляя ноги, и каждое движение отдавалось в теле тупой болью. В голове стучало: «Ещё шаг... ещё один... только не падать». Время тянулось бесконечно, а силы уходили, словно вода сквозь пальцы.

В итоге к городу я подходил, когда уже светало. Конфеты все сожраны, вода выпита, и ни одна тварь не остановилась, чтобы подвезти. Ни единого автомобиля на пустынной трассе, будто весь мир решил меня игнорировать.

Перед тем как приблизиться к городу, я успел умыться и более-менее привести одежду в порядок возле одной из речушек, которые пересекал за время своего путешествия. Холодная вода немного взбодрила, но усталость всё равно давила, словно тяжёлый камень на груди.

Но до города я немного не дошёл. Прямо на трассе высился новый микрорайон – свежий, сверкающий, будто игрушечный. Прекрасный вид из окон: с одной стороны – река и город, с другой – первозданный лес. Но меня привлекло не это чудо инженерной мысли, а банальная вывеска: «Зоомагазин».

Я свернул на дорожку по указателю и уже через сто метров стоял у закрытой двери зоомагазина. Прижался к стеклу, вглядываясь внутрь.

Хомяки! Вон они! Мирно лазают по клетке, будто и не подозревают, что их жизнь сейчас изменится. Один был точь-в-точь Пушистик – только без мухоловок.

Денег у меня не было. Пытаться добраться до Москвы пешком? Двести километров – не вариант. Автостоп не работает, а денег на билет нет. Да и паспорта нет, чтобы этот билет купить.

Я подобрал кирпич – нашёл его аж в ста метрах. Чёртов дивный мир: всё так чисто, что даже булыжник непросто раздобыть. Сжал его в руке, размахнулся и разбил витрину.

Как же всё запищало! И сигнализация, и весь животный мир в магазине. Пищали, курлыкали, метались по клеткам, переворачивая миски, будто оркестр безумия. Я, словно бешеный бегемот, расталкивал клетки, валил стеллажи, прорываясь к заветной цели. Времени у меня было не больше минуты – именно столько нужно патрульной Росгвардии, чтобы прибыть на место происшествия.

Подбежал к клетке и, на удивление, с первого раза схватил хомяка. Боясь его потерять, в карман решил не совать – потащил так, в руке. Бежал так быстро, как мог. Путём отступления выбрал не трассу, а местный микрорайон – узкие дворы, лабиринты подъездов, где легче затеряться.

Только я заскочил во двор, как услышал за спиной шум проезжающей машины. Выглянул – так и есть: Росгвардия, несутся, голубчики. Но меня там уже нет.

Плохо, что найдут меня довольно быстро. Камер наткано вокруг уйма. Надо дальше петлять.

Остановился я минут через десять, когда углубился в район настолько, что уже не понимал, где нахожусь. Сил бежать не было совсем. Я дико устал, дыхание рвалось, сердце колотилось, будто хотело выпрыгнуть из груди.

Сел на детской площадке в одном из дворов, взглянул на хомяка в руке...

А бедолага уже издох. Я слишком крепко сжимал руку, и он задохнулся. Аккуратно уложил помятое тельце на лавочку. Похоже, не просто задохнулся – что-то ещё. «Блин, пипец какой-то...» – пронеслось в голове.

Прикоснулся к хомяку указательным пальцем, прислушался. Чисто теоретически моих сил должно было хватить, если бы эти силы у меня были. Но я пуст. Однако решил рискнуть – начал отдавать себя в мёртвого хомяка.

Хомяк дёрнул лапкой. С меня потёк пот градом. Свет потух.

Очнулся я в белой комнате. На кровати, под белой простыней. Пощупал стенку возле себя – твёрдая. Значит, я в реальности, а не у себя в башке. Повернул голову в другую сторону – ещё кровати. За головой – яркий свет. Попытался приподняться – не получилось.

Мои потуги заметили соседи по комнате. Один выбежал из помещения, а уже через минуту вернулся с подкреплением в виде доктора в белом халате.

Значит, я таки в больнице.

– Ну что, голубчик, как самочувствие? На что жалуетесь? – спросил доктор, склоняясь надо мной.

– Слабость, сесть не могу. В голове шумит, – прошептал я пересохшими губами. – Пить!

Доктор поднёс стакан с водой и трубочкой к моему рту. Я втянул живительную влагу, и сразу полегчало. Шум в ушах уменьшился.

– У вас был инсульт, клиническая смерть – две минуты. Мы сделали анализы, они неутешительные. У вас пучок заболеваний. Если честно, я совершенно не понимаю, как вы ещё живы, – всматривался в меня доктор.

– Я себе этот вопрос задаю постоянно, – грустно усмехнулся я.

Надо же, удружил мне кто-то с новым телом. Только мои морально-волевые держат на плаву этот «Титаник».

И тут меня пробила мысль – та, что должна была посетить ещё на кладбище! «Дьявол!»

– Док! Я же в больнице? – на всякий случай уточнил я с опаской.

– Да. Центральная клиническая, – кивнул док.

– А морг тут есть? – Я начал улыбаться, а док с опаской прикоснулся к моему лбу.

– Жара вроде нет, – причитал он. – Видимо, начало агонии. С такими болезнями обычно не живут. Вы правы, голубчик, как ни прискорбно, но вам скоро придётся переехать в морг. Простите за чёрный юмор.

– О-о-о... Я туда перееду, – оскалился я. – Даже раньше, чем вы думаете, док!..

Глава 2

Операцию я назвал «Толик Крофт – расхититель моргов». Ибо это было нечто – авантюра чистой воды, но иного выхода просто не существовало.

Во-первых, я крался, как настоящий ниндзя. Только вот причина была не в мастерстве, а в состоянии тела: каждое движение отдавалось тупой ноющей болью, ноги подкашивались, будто из них вынули кости. От стенки отойти боялся – земля под ногами качалась, норовя ударить по лицу.

Во-вторых, всё делал ночью – меньше любопытных глаз. «Вдруг им тоже захочется? Или в дурке запрут?» – проносилось в мыслях. Меня и так чуть не определили туда, когда я стал расспрашивать у дока, как попасть в морг. Его первый шуточный вариант меня категорически не устраивал – перспектива стать «жильцом на пару дней, в бледном виде». А дальше док уже потянулся за успокоительным... Я вовремя свёл всё к шутке и прикинулся ветошью.

И вот я крадусь по коридорам и лестницам больницы, ориентируясь по указателям и планам-схемам. Шаг за шагом, прижимаясь к стенам, будто тень. Мне нужен морг. И желательно – свежие трупы.

Видимо, при переносе в «новое» тело его немного подшаманили – довели до более-менее сносного состояния. Но стоило мне попытаться выдавить из своих жизненных сил хоть крупинку магии – и всё похерил. Хомяк, похоже, так и остался валяться на лавочке, а я за малым не отъехал. Зато меня от Росгвардии спрятали – укатали с мигалками на скорой.

Я очень рассчитываю на то, что в нас, людях с планеты Земля, есть эти страшные камни силы. Так что буду разграблять морги, пока не найду то, что мне нужно.

Хотя... боюсь, времени у меня прям в самый притык. Если не найду в этом морге бусину, там же и останусь. «Вот санитары рады будут: такой кабан, и сам пришёл, тащить не надо», – мысленно усмехаюсь, но внутри всё холодеет.

Шутки шутками, а хвост набок. Я больше часа пробирался в морг. В нормальном состоянии эту дистанцию можно было пройти за три-пять минут. Но я несколько раз сворачивал не туда, блуждал по лабиринтам коридоров, возвращался, снова искал путь.

В морге было холодно. И пахло. Для меня – лишь лёгкий флёр, я успел нанюхаться куда более мерзких ароматов. Но моё нынешнее тело бунтовало: желудок сжимался, грозя извергнуть содержимое. Я стоически боролся с тошнотой, стискивая зубы.

Искомые объекты нашлись быстро. Пять тел лежали на кушетках, и бог его знает, сколько ещё покоилось в специальных ящиках у стены. В помещении никого не было, лишь дежурное лёгкое освещение, что не могло не радовать.

Первые два тела оказались уже вскрытыми. Я покопался в них – пусто. Прям натурально пусто. Все органы выдраны, плавали в разных тазиках, видимо, в формальдегиде. Включая мозг.

Я ощупал себя – голову, тело. Ни швов, ни шрамов. Судя по тому, что док не бегал по больнице с криком «Зомби наступают!», с моим внешним видом всё относительно нормально. «Прелюбопытнейший факт, однако», – отметил я про себя.

Следующее тело тоже было вскрыто, но органы на месте. Поиски снова не увенчались успехом. Я стал откровенно унывать. Всем нутром ощущал: жить мне оставалось считанные часы. Твёрдой уверенности, что мне выдадут новую тушку, у меня не было.

Следующие тела были целыми. Значит, время мясника настало. Инструменты я нашёл довольно быстро. Жаль, профессионально вскрывать я не умею. Но мне это и неважно. Люди всё равно мертвы, а кто и как их вскрыл, никто из родственников не узнает.

Первое тело, до которого добрались мои ручки, оказалось женским. Возможно, даже красивым, если бы не бледная синюшность. От чего умерла такая юная девушка, я не знал – от медицины далёк. Взглянув на её лицо, я мысленно извинился и принялся кромсать бедолагу.

Разделал я её на британский флаг. Раскурочил до неузнаваемости, но искомого не обнаружил. Не поленился даже горло вскрыть. Когда уже собрался перейти к следующему телу, вернулся, пилой срезал полчерепа. Звуки стояли ужасающие – скрежет металла, хруст костей. Но чего не сделаешь ради восстановления бывшего величия? В голове было пусто. Нет, она не пустоголовая бабища – мы не знакомы. Просто в голове тоже не было бусинки.

Я перешёл к следующему телу. Мужчина, тоже синюшный, как бройлерные куры в «Шестёрке». На вид лет пятьдесят. Спортивный, подтянутый, даже кубики пресса после смерти сохранились. Стоило мне сделать надрез в области кадыка, как меня ослепил яркий блеск. В полумраке морга он для меня сиял, как свет в конце тоннеля.

Я боялся дышать и моргать, чтобы не спугнуть удачу. Аккуратно дрожащими пальцами раздвинул края раны и второй рукой извлёк бусину. Она была самой крошечной, которую я видел за время своих скитаний. Но она была – и это прекрасно.

«Хотя непонятно: если бусины в нас, в людях, присутствуют, почему их никто не находит? Или от нас всё скрывают? Этакая подпольная правительственная организация... Стал патологоанатомом – и к тебе сразу спецслужбы приходят, подписываешь бумаги и сдаёшь бусины правительству?» – Мысли металась в голове. Надо будет позже потрясти за грудки местных служителей морга.

Бусинка переливалась белым с едва видимыми голубыми мазками. Размер её не превышал спичечную головку. Выбора, как всегда, у меня не было. Не думая ни о чём, я закинул её себе в рот – такую, как есть, немного в крови атлетического мужика.

Первые пару секунд я думал, что всё – приплыли, магия не усваивается. Но нет. Всё получилось. Коробило меня не сильно. Судя по ощущениям, бусина содержала в себе не более одной капли силы. Но мой резерв был вполовину меньше, так что искры из глаз сыпались.

«Это в том мире и в том теле я мог растягивать свой резервуар в три раза. А здесь – это вам не тут. А тут – это вам не там».

Но я-то мальчик грамотный. Всё, что заходило в резервуар, я сразу раскидывал в тело. «Японский городской!» – Вот теперь пришла она, боль. Причём я такой давненько не испытывал. Когда «поженил» белую и зелёную силу в «общаге», было нечто схожее. Тогда болела голова и часть души, сейчас же начало ломить тело. Причём не просто кости и мышцы, болели внутренние органы. Я чувствовал, как срок моей жизни удлиняется. Но какой ценой... Хотя плевать на цену, главное – жить.

Прокорчился на полу я минут пятнадцать. Боль уходила медленно. Дольше всего болели сердце и, сука, мозг. Не голова – именно мозг и сосуды в нём. Аневризмы, узелки из сосудов, закупоренные протоки – всё приходило в норму.

Встал я, на удивление, довольно легко, насколько легко может подняться крайне упитанный человек. Тело ещё помнило тяжесть недавних испытаний, но уже откликалось на волю куда послушнее. Зато шум в ушах и пляшущие перед глазами пятна исчезли без следа. Сердечко билось ровно, размеренно, а самое главное – внутри я чувствовал магию. Да, её была жалкая крупица, едва ли пол-единички, но она была! Сильно на неё не разгуляешься, конечно, но удивить кого-то – вполне.

Последний труп я вскрывал уже без дрожи в руках и ногах. Скальпель скользнул по коже, вскрывая глотку старому дедушке... но там оказалось пусто. Я методично осмотрел остальное тело – безрезультатно. Мозг тоже чист.

Обидно, однако... А я уже настроился на пополнение запасов.

Я быстренько пробежался по ящичкам в стене. Почти все пустые. Редкие тела, что там нашлись, уже были вскрыты, даже осматривать не стал.

– Собственно, здесь мы закончили, – проговорил я вслух, оглядывая помещение. – Спасибо всем, кто принимал в этом участие! Я пойду. Счастливо оставаться. – Насвистывая незатейливую мелодию, я вышел из морга в коридор первого этажа и задумался: а надо ли мне возвращаться в палату? Вряд ли. Посетить другие морги города – вот это да! К тому же это был морг корпуса – тут мало «людишек». Нужен главный больничный морг, куда свозят все трупы из всех отделений. Вот где можно пожить! – Хе-хе, я прям как маньяк какой-то, – прошептал я, продвигаясь по коридорам к центральному выходу.

Но выйти, как оказалось, не судьба. Злая толстая тётя, дежурившая на проходной, накинулась на меня с упреками: ночью выходить нельзя! Мои чары убеждения разбились о несокрушимый «синдром вахтёра». Так что я поплёлся вглубь коридора.

Но я-то знаю: в больнице дверей – хоть жопой жуй. И всегда есть незапертые. За покупками-то бегать надо! И персонал пациентам часто шепчет, где и как можно выскользнуть из больницы до магазина. Естественно, не за красивые глазки делились тайной открытых дверей, а за шоколадки.

Однако далеко я не ушёл. Лето, окна открыты. Первый этаж. Корпус свежий, невысоко – метр максимум. Для надёжности я свесился, лёжа на подоконнике, и медленно сполз до самой земли. Прыгать такой тушей с высоты в метр мне было страшно – вдруг что-то хрустнет?

– Свобода попугаям! – прошептал я и зашагал по тропинке вокруг здания.

Освещение на дорожках имелось, хоть и редкое, но мне хватало. Вернувшись к парадному входу в «мой» корпус, я отыскал табличку с огромной картой и обозначениями. Там доступно, популярно и наглядно было изображено и подписано, где какое здание. Найдя на карте морг и сориентировавшись по направлению, я бодро засеменял пышными ляжками.

Территория оказалась очень большой – до искомого объекта я добрался лишь спустя примерно двадцать минут. Одышка начала возвращаться, в боку закололо. Опять захотелось жрать, причём именно сладкого. «Ненасытная туша...».

Первым препятствием оказалась запертая дверь. А вторым – дежурный санитар, который открыл мне после моих настойчивых потуг войти. Он заспанным взглядом осмотрел меня и поинтересовался:

– Вы кто? Чего надо?

– Брат у меня тут у вас, – начал я. – Мы в аварию попали, он насмерть, а я вот очнулся. Мне бы увидеться с ним.

Парень ещё раз внимательно оглядел меня. Потёки крови, которые не заметила сразу вахтёрша, он воспринял нормально, особенно после моего коротенького рассказа. А вот к больничной одежде, тоже в крови, отнёсся скептически. Я корил себя последними словами за то, что не переоделся.

– Друг, – начал он, тщательно подбирая слова, – ты себя в порядок приведи, да и не положено. Утром приходи. Гаврилыч в восемь уже на месте будет. Вот к нему и обращайся.

Я не стал спорить – смысла нет. Парень меня не пустит, да и выгляжу я, мягко говоря, странно. Просто я взял и протянул ему руку в знак дружбы. Он пожал её – и тут же затрясся всем телом.

Оказывается, я всё ещё могу перегонять энергию из одного спектра в другой. В данный момент я собрал на ладошке всю имеющуюся силу – в фиолетовом цвете. Как итог – парня жажнул нормальный такой электрошокер.

Ни одно существо в прежних вселенных этого бы даже не почувствовало. Полкапли – смех. А этого чуть не убил. Да и самому плохо стало: виски взорвались барабанами, уши заложено ватой, рот пересох, сердце начало выскакивать из груди. Осушать себя так резко нельзя.

«Надо срочно научиться делить эти мизерные порции. Хотя бы на десятки от капли. Назовём их крупичками. В меня сейчас влезает пять крупич. Боги, я действительно жалок, – с горечью подумал я. – Грёбанный Петруша... Он, падла, должен был у бати на штанах высохнуть.

Так нет же, его отец на стену сбрызнул, а мухи его выходили, убогого», – чертыхался я, пытаюсь собраться с силами и не упасть вслед за санитаром.

Того ещё потряхивало, а по волосам, выбившимся из-под колпака, бегали разряды фиолетовых молний. Придя более-менее в себя, я осознал: мне опять херово. Нет, прямо сейчас я не умираю, но отсутствие силы в резервуаре крайне негативно на мне сказывается.

Я переступил через бесчувственное тельце, чуть оттащил его от входа и запер дверь изнутри. Первая часть плана расхищения морга выполнена.

Часов на стене не было, пришлось опять шарить по карманам. Дисплей телефона показывал два часа ночи.

«Отлично! Гаврилыч придёт в восемь. Значит, у меня пять часов, чтобы вскрыть всех и свалить в закат», – пронеслось в голове с мрачным удовлетворением.

Я двинулся вглубь вонючего коридора, вдыхая тяжёлый запах формалина и разложения. Вскоре пришёл в искомое помещение. Несколько десятков тел, и все невоскресшие. «Рай для маньяка...» Вооружившись скальпелем, я начал своё поисковое мероприятие.

Когда я кромсал третье тело – какой-то бабки, – по всему помещению раздался безумный звон. Я перепугался настолько, что машинально воткнул несчастной старушке скальпель между глаз.

«Дьявол! Нельзя же так людей пугать! Я с трупиками балуюсь, а тут звонок какой-то!»

Раздался второй звонок – от него я невольно подпрыгнул. А затем послышались нетерпеливые, требовательные удары в дверь.

Новое тело привезли!

«Фак! Что делать?»

Я судорожно перебирал варианты, но их, как водится, не было. Подбежав к санитару, стянул с него халат, скинул свою окровавленную одежду и попытался нацепить шмотку дежурного медбрата. Халат оказался откровенно мал. Путаясь в нём, под непрекращающийся стук в дверь я поволок субтильного парня вглубь морга. Закинул его на первую попавшуюся каталку и бросился на поиски кабинета Гаврилыча.

Мои надежды оправдались: халат Гаврилыча был не в пример больше, но всё ещё мал. На «талиих» не застёгивался. Решив, что и так пойдёт, я, потев, побежал к двери.

– Колян, ты там... – на полуслове замолчал парень, уставившись на меня в открывающейся двери. – Ты кто?

– Толик! – кивнул я. Вид у меня был превосходный: белый халат, шапочка и семейные трусы с уточками – почти как у Квага, только не шелковые.

– А Колян где? – критически осматривал меня новый знакомый.

– Я за него! – твёрдо и уверенно ответил я, обливаясь потом.

«Грёбанный жирный Сумкин...»

– Э-э... Но он тут ещё час назад был, – насутился парень.

– Позвонил, попросил подменить, – пожал я плечами. – К девчонке срочно надо.

– Катька его простила всё же? – распахнул глаза от удивления парень.

– Да, простила, – кивнул я. – Денег у меня занял, цветы побежал покупать и улетел в закат. То есть в рассвет. Слушай, у тебя двух тысяч не будет? Колян тебе потом вернёт. Мне поутру надо бежать, а он что-то на звонки не отвечает. Видимо, не до меня ему там сейчас.

– Да-да, конечно. Держи. – Он протянул мне две тысячные купюры.

– Вот спасибо. Ну бывай. Я тут отдыхаю, – собрался закрыть я дверь.

– Стой, ты чего? – остановил он дверь, а я напрягся. – Тело-то забирать будешь? Или мне его тут оставить протухать?

– Ах тело... – вытер я рукавом пот со лба. – Завози!

Парень, имени которого я даже не знал, завёз каталку в помещение, развернулся и ушёл. Лишь кинул через плечо: «Бывай».

«Удивительные люди всегда мне попадают. Дать две тыщи левому чуваку, которого первый раз в глаза видишь... А всё почему? Слова – страшное оружие. Он, главное, всё сам за меня придумал. Превосходно просто», – мысленно усмехнулся я.

Я запер дверь и прислонился к стальной поверхности спиной. Сразу стало легче. Тахикардия меня очень напрягала: в груди щемило, кровь стучала в висках.

«Срочно надо найти бусинку, или я опять попаду в больницу».

Я критически осмотрел свежее тело. Женщина, опять молодая и очень красивая. Причём ещё не синюшная – явно только-только преставилась. Оттолкнул каталку в зал к остальным холодным и, дабы случайно не перепутать, укатил Колю подальше от будущего места преступления.

Начать я решил со свежей дамы. Простыня слетела с тела, и я сглотнул. Это было безумно красиво, хотя и неправильно так о трупах. Всё тело в витиеватых и красивых татушках, пробитые соски и пупок. Я потряс головой. «Не хватало ещё на труп наброситься!» Но, судя по всему, это были вообще не мои мысли. Наш Фёдор Михайлович, видимо, давно не имел плотской близости и был готов сношаться даже с деревьями.

Горло вскрыл я лёгким движением – и стал свидетелем тонкого луча света. Успех! Точно такая же жемчужина, как и у атлетического мужика преклонного возраста. Не думая ни секунды, закидываю её в рот и благоразумно ложусь на пол.

На Земле всё происходит крайне странно. Нет моментального прихода. Примерно десять секунд после того, как проглотил бусинку, тогда как во всех остальных мирах стоило положить её на язык, и всё: сила сразу впитывается в тело. Так что я успел занять горизонтальное положение – лёжа на спине.

В этот раз корёжило меня не так сильно, да и я был готов. Не давая силе скапливаться, сразу отправлял её в тело, но в этот раз более адресно: две крупницы – в сердце, две – в мозг, а всё остальное решил оставить. Но тут возникла проблема: резервуар на пять песчинок, а у меня осталось шесть.

Вот тут и пошла дикая борьба. Пот лил из меня, как из ведра, бил озноб, я мелко трясся. Душа болела и стонала, но я держался. Я эту песчинку пытался и так и сяк впихнуть туда, куда она впихиваться не хотела. Пробовал тянуть края резервуара, но он был будто ложбинка в горе. Пытался укрепить эту гору, но ничего не выходило.

И тут до меня дошло: если это ложбинка в горе, то почему не выдолбить её глубже?

Я просто вбил песчинку в резервуар – и почувствовал дикий зуд в районе грудины. Песчинка углубила резервуар-колодец, но сама испарилась. Теперь мой резерв составлял целых семь крупниц. Да, не шесть, а целых семь. Только в наличии было пять.

«Интересная математика...»

Я внимательно осмотрел тела, которые успел вскрыть, и вспомнил те, что остались в корпусе. В старых и дряхлых не было ничего, в давно умерших – тоже. Бусинки находились пока лишь в двоих: спортсмен-мужик явно свеженький и миловидная татуированная подтянутая молодуха.

– Это что получается: чтобы восполнить силы, мне надо идти и убивать красивых и молодых? – прошептал я, чувствуя, как внутри поднимается волна отчаяния. – Пипеп...

Глава 3

Нет, вы не подумайте, я не маньяк – во всяком случае, пока. Идти и гасить просто так людей я не готов. Но ситуация становится очень грустной.

Часть трупов в морге я даже не стал потрошить. Вскрыл лишь четверых – и стал обладателем двух «спичечных головок». Всё. На весь морг больше ничего не нашлось. Я взглянул на время: четыре утра. За окном уже светало.

Вдруг раздался звонок, будь он неладен! Я опять подпрыгнул, а Коля застонал. Дабы не рисковать, я нежно приложил его головой о металлическую кушетку. Парень затих. Проверил – дышит. Ну и отлично, пускай спит.

Опять переодевшись в свой халат (ага, он уже мой), сверкая труселями, я открыл дверь. Там был мой новый знакомый и свежее тельце – на этот раз пожилая бабка. Но свежая-свежая, даже тёплая ещё. «Пятки, как говорится, не остыли».

– Не вернулся Колян? – улыбнулся знакомец.

– Сомневаюсь, что сегодня вернётся, – мечтательно закатил я глаза. – Думаю, они ещё не спят.

Парень пошло захихикал и покраснел. Только сейчас, когда мне уже полегчало и я не бежал от смерти, удалось рассмотреть знаконца. Молодой парень, вероятно, студент, лет восемнадцати-двадцати. А Колька, стало быть, его однокашник. Я даже не рассмотрел парня, которого вырубил. Ну да ладно, я же не со зла, просто ну очень надо было.

Парень завёз бабку в помещение, забрал пустую каталку и поспешил уйти. Я запер за ним дверь и хищно уставился на старушку. Уже через полминуты горло бабки было вскрыто, и я успел расстроиться. Но благо в «разделочной» был полумрак. Уже собираясь уйти, я заметил, как в недрах горла что-то блеснуло. Ковыряться пришлось довольно долго, но награду я получил.

Шарик был настолько крошечный, что его едва видно. Не больше игольного ушка, если не меньше. Песчинка. А значит, есть сила во всех людях, просто в старых её мало...

«Это действительно душа? – Меня пробил озноб. – Нет, изначально их называли камнями силы. Так и будем считать. Да и ближе это определение, чем душа. Бабка старая, сил нет, вот и оочурилась».

Я решил «попробовать бабку на вкус». Бусинка провалилась в пищевод, и я замер. Десять секунд – ничего, двадцать... Только к концу минуты я почувствовал поступающую силу. Две крупички.

Лавры великого экспериментатора не дают мне покоя. Резерв в семь крупичек мне показался недостаточным. Поэтому я врезал сразу обе крупички в резервуар, дабы углубить его. Очнулся я от очередного звонка. И, судя по ударам в дверь, это был уже не первый звонок.

В голове гудело, в глазах всё плыло – мне опять было хреново. Не думая ни о чём, я открыл дверь.

– Господи боже, что с тобой? – ахнул мой знакомец.

– А что со мной? – ещё не до конца осознавая себя, задал я вопрос скорее себе, нежели ему.

– Ты весь в крови!

Чудо нашего мира, в отличие от большинства других, в том, что у нас зеркала висят почти везде. Вот и тут, в приёмной морга, у самой двери висело небольшое квадратное зеркало.

– Ёпушки-воробушки, – выдал я в сердцах.

Из ушей, носа и глаз текла кровь. Точнее, уже не текла – там была засохшая кровяная корка. Капилляры в глазах полопались, и я сейчас выглядел как вампир. Зато это прекрасно объясняло, почему у меня руки по локоть в крови и вся одежда в пятнах.

– Внутричерепное шалит, – отмахнулся я.

– Фига шалит! Тебе в больницу надо, дружище.

Я перевёл скептический взгляд на своего знакомого.

– Ну то есть в корпус реанимации. Ты так и умереть можешь!

– Могу, – кивнул я. – Все мы можем. Но что мы говорим смерти? – менторским тоном спросил я.

– «Не сегодня»? – поднял знакомец бровь.

– Вот именно – «не сегодня». Заводи своего болезного и дуй по своим делам, – поторопил я обеспокоенного юношу. – Мне ещё себя в порядок привести надо.

Парень поднажал на тележку с трупом и вкатил её в коридор. Я шагнул чуть в сторону, придерживая дверь, и задумчиво наблюдал за его действиями.

– Что-то ты ко мне зачастил, – обратился я к парню, когда тот уже уходил. – Всю ночь не было, а под утро уже третий.

– Так рассвет же. Так всегда! – пожал он плечами. – Люди чаще всего умирают на рассвете.

– А сколько обычно за утро бывает? – Мой внутренний хомяк проснулся.

– Минимум пять, – склонил он голову слегка набок. – А так и до десятка бывает. Троих уже привёз.

Я закрыл за ним дверь и взглянул на время. Без четверти пять утра. Получается, я около получаса провалялся. Перевёл взгляд на свежего «холодного», и мой хомяк пустился в пляс. Молодой парень. Нехорошо, конечно, радоваться чужой смерти, но не я же это устроил?

Бегом в пыточную, то есть в цех по разделке. Скальпель в руки, полоснуть по горлу, выдрать бусину. Да! Эта прям крупная. Странно. Я осмотрел парня: весь он какой-то крайне синий, даже фиолетовый. Весь в бинтах. Видимо, парень умер не своей смертью. Судя по бусинке, ему ещё жить и жить.

Я прислушался к себе. Законных одиннадцать крупниц могло в меня влезть смело. В наличии – прежние четыре. Тело, по ощущениям, никак не изменилось. Теперь у меня было две «спичечные головки» стандартных размеров и одна крупная. Куда их деть? Так и потерять недолго.

Я попытался открыть свой «холодильник», к которому уже так привык, но не тут-то было. «Нет кольца – нет „холодильника“». Прям как в анекдоте: «Нет ручек – нет конфеток». Я пошарил по полкам, нашёл пузырёк с какими-то таблетками. Таблетки тут же были выкинуты прямо на пол, а в пузырёк с плотной крышкой отправились три шарика.

Что теперь? Просто ждать? Телефон парня запаролен, причём не отпечатком пальца, а банальным паролем. Так что просто так залезть туда не вариант. А без интернета планов особенных не построишь. Надо как-то найти разлом, желательно активный, и свалить с планеты. Хотя... а куда я в таком состоянии пойду? Нужны бусины, и надо качаться, а главное – преодолеть барьер. Неведомо как.

За такими мыслями меня и застал очередной дверной звонок. Я опять подпрыгнул. Будь он проклят, этот звонок! Знакомец обеспокоенно осмотрел меня, но я успел привести себя в порядок. Новый жилец морга был средних лет, с пивным брюшком и отвёрткой в глазу.

– Сразу со скорой, – пожал плечами парень. – Не довезли. Говорят, сам упал в гараже, сам скорую вызвал, но довезти не успели.

Я передёрнул плечами. Жуткая и нелепая смерть. Стараясь не думать о подобных случайностях, я вскрыл парню горло. Кровь брызнула фонтаном – парень действительно совсем недавно умер. Когда кровь вытекла, я извлёк на свет крупную бусинку. Прям как из молодого парня. Только эта была более тусклой. Она отправилась в баночку к своим подружкам, а я взглянул на часы. Почти шесть утра.

Встал острый вопрос: в чём уходить? Кроме халата и трусов, ничего нет. И тут я взглянул на парня с отвёрткой в глазу. Пузо его было гораздо меньше моего. Но вот одежду он носил безразмерную – «оверсайз», как сейчас модно говорить.

Спортивки еле налезли на мою жопу, из-под футболки торчал пупок – этакий топик. Обувь была мала и немилосердно давила пальцы. Я, кстати говоря, был очень высоким – метр девяносто точно есть. Толстовка тоже оказалась мала, да и тепло вроде ещё, так что её я оставил.

Только собрался уходить, как в дверь опять позвонили. Коля заквахтал, но бить его ещё раз я не стал – поспешил открыть дверь.

На этот раз доставщик привёз мне деда. Старого, сморщенного, будто высушенного временем. Я кивнул знакомцу, принял груз и запер дверь. Вскрывать дедулю не стал – не было ни смысла, ни желания. Выждал пару минут, вернул телефон на место и поспешил покинуть морг.

Уже на ходу посреди территории избавился от халата. В одно мгновение превратился из медработника в обычного жирного гуляку. Вышел с территории практически в центре города.

Жрать хотелось немилосердно. «Нет, так дело не пойдёт», – пронеслось в голове. Я дошёл до ближайшего ларька с шаурмой и заказал самую огромную порцию, какая у них была.

Проглотил её и даже не заметил. Голод как был, так и остался, лишь слегка притупился. «Нет, так мы немцев не погоним, – мысленно усмехнулся я. Надо держать себя в руках, иначе буду только толстеть. – Срочно надо улучшать своё тело!»

Поел, и тут же потянуло в сон. Причём не по-детски: веки тяжелели, а ноги становились ватными. «И куда идти в центре города, когда в кармане полтора рубля?» Ответ пришёл сам собой: на вокзал. Ближайший оказался совсем неподалёку.

Зайдя в зал ожидания железнодорожного вокзала, я оглядел пространство. Выбрал место у стенки – подальше от суеты, поближе к тишине. Уселся поудобнее, подтянул колени к груди и почти мгновенно уснул.

* * *

– Здравствуй, Толя! – передо мной стояла старая бабка.

Чёрное платье в пол, седые волосы, слегка выбивающиеся из-под платка. Цепкий холодный взгляд. Морщинистые тонкие пальцы, сложенные в замок. На этом фоне молодой и строгий голос резко контрастировал.

– Здравствуй, бабушка! – покладисто кивнул я, пытаюсь осмотреться.

А вокруг была пустота. Не темнота – именно пустота. Не было ничего. Лишь я на карачках да бабка.

– Налюбовался? – склонила она голову набок.

– Немного не улавливаю сути разговора, – абсолютно честно ответил я. Было стойкое ощущение, что сейчас шутить – последнее дело.

– Фокус с твоим перформансом, с бароном Сам Ди. – Она слегка улыбнулась, а меня передёрнуло.

– Вокруг одни предатели, – пожал я плечами. – Слишком много лишних существ было у меня в голове. За всеми не уследишь.

– Согласна, – закивала бабушка. – А теперь? Справишься с ним?

– Бабушка, – посмотрел я на неё как на дуру, – где я, а где он и вы? – Я прекрасно понимал, что передо мной – очередной демиург.

– Никто не говорит убить его. Ты смог помешать ему. Хотя он и оправится, но урон ты нанёс ему довольно серьёзный, – по-доброму улыбнулась бабка, – но недостаточный. Он восстановит свои силы буквально за полгода, может, даже меньше.

– Бабушка, я так понимаю, всем парадом управляете вы! – чуть добавил я гонора. – Вам не проще сломать этому демиургу хребет? Вы явно посильнее его.

– Это пока посильнее. И нет, не проще. Поймать его непросто, если не сказать – невозможно. Его не смогли уничтожить сущности. Что говорить обо мне?

– Почему я? – задал я, наверное, самый волнующий меня вопрос.

– А почему бы и нет? – ухмыльнулась бабка. – Ты бы предпочёл умереть там, в машине? На краю географии?

– Нет, желания такого нет. Но почему я? – не унимался я.

– Под руку попал просто, вот и всё. – Бабка закашлялась и скривилась. – Времени у меня мало, сил слишком много уходит. Далеко тебя пришлось откидывать, чтобы он не заметил. У тебя полгода, Толя. Если он восстановится и совершит задуманное, под угрозу попадёт сама смерть. Но ты не обольщайся: ты не единственный, кто пытается исправить деяния этого идиота. Пospеши. Твоим детям нужен будет отец...

Бабка растворилась, а я открыл глаза и резко вскочил. «Детям? Она сказала – детям?!»

– Уважаемый! Ваши документы! – ко мне подошли двое патрульных.

«Как же вы, ребятушки, не вовремя! И что мне с вами делать?»

– Нет с собой документов у меня, мужики, – сделал я страдальческое лицо.

– Пройдёмте с нами, – проговорил молодой высокий парень в звании сержанта. – До выяснения.

– Парни, послушайте, – начал я давить на жалость, – жену с любовником застукал, поругались, и я ушёл. Так-то я её понимаю, глянь на меня! А знаешь почему? Война в Сирии. Осколок в позвоночник, поджелудочную – в клочки. В итоге – диабет, тяжести поднимать нельзя. А какой я был ещё семь лет назад! Вас бы как котят раскидал. А сейчас что? – Я сел и демонстративно обхватил голову. – Жена – красавица, а я сам себе в зеркале противен, а сделать не могу ничего. Нет лечения. А куда мне идти теперь? – Я поднял на пацанов-патрульных глаза, полные боли. – Моя работа была – людей убивать. Полжизни на войне. Грузчиком не могу, а другому не обучен. Пытался охранником в магазин – сломал воришке руку, меня попёрли. Куда мне? – вскочил я и почти прокричал в лицо сержанту: – Ну пойдём, что ли, выяснять! Куда теперь ветерану-инвалиду идти?!

Я протянул руки вперёд, показывая им, что они могут надеть на меня наручники. Парни переглянулись, вытянулись по струнке и отдали воинское приветствие. Щёлкнули пятками и молча удалились.

– Фу-у-у-ух, – шумно выдохнул я, присаживаясь обратно. – Хотя бы в этом мире мой язык работает как надо. В тех мирах как рот ни открою, так беда приключается какая-то.

Я поднял глаза на табло прибывающих поездов. Время было уже за двенадцать дня. «Неплохо я так поспал. Поспал – надо и поесть». Нашёл глазами ближайший фудкорт и направился туда. Отстоял минут двадцать в очереди, потом ещё двадцать ждал заказ.

Как у нас говорили? «Вот не будет клятых коммуняк – не будет очередей». Ну да, ну да – они только длиннее стали. Но ладно. Сижу, значит, кушаю сэндвич, запиваю всё сладкой чёрной жижей. Балдею, одним словом. Хотя и квакеры прекрасно кормили, да и в мире Зулу...

Всё было хорошо, пока мне на глаза не попались друзья-патрульные. Я поприветствовал их через стекло поднятым стаканчиком с жижей. Те кивнули мне как лучшему другу. В очередной раз я задумался о том, что обычно всегда хрень происходит, а тут я вроде как дома и на своём месте.

Вопль и крик из дальнего крыла вокзала не смогли испортить мне аппетит. Крик и паника нарастали, приближались. Друзья-патрульные ломанулись в сторону шума. Все на фудкорте повскакивали – я же продолжал уплетать вкусный сэндвич. Судя по шуму и крикам, неизвестно, когда мне в следующий раз удастся нормально покушать.

Вот первая «ласточка» выбежала с диким воплем через главную дверь, по пути не глядя снесла одного из проверяющих. Ведь теперь на вокзалах как: есть вход, а есть выход. Но паника на то и паника – никто не будет смотреть, вход это или выход. Ближайшая дверь или окно на свободу будет вынесена или выбита. Прямой и кратчайший путь к спасению – выбор испуганного сознания. Так было, есть и будет.

И вот туда уже ломятся десятки людей. Стадный инстинкт тоже никто не отменял. Увидев массовое бегство, подорвались практически все – процентов семьдесят точно. Ещё около двадцати пяти вспомнили, что есть запасные выходы. Несколько человек разбили окна и вышли как короли.

Все вышеперечисленные – молодцы, критическое мышление есть. А я? А что я? Сажу свой сэндвич. Я их сразу два взял – кушать очень хочется. Сила так и не восстановилась, собственно, это и неудивительно. Планета пуста, от вселенной отсоединена. Значит, Бога на планете нет очень давно. Четыре крупички и столько же шариков в запасе.

Вот из дверей для персонала повалил на улицу сам персонал. «Видимо, дело совсем хреновое, раз пошла такая пьянка». Вон подъезжают патрульные машины Росгвардии, но заходить не торопятся.

Из дальнего крыла раздаются выстрелы, рычание, ещё выстрелы. Мат и крики – женские и мужские. Дикий вопль – и тишина. «По-видимому, моих новых друзей, патрульных сержантиков, сожрали или убили. Жаль. Хорошие были парни».

Подъехало несколько скорых и сразу с десятков полицейских машин. Но опять никто не спешил заходить. Судя по раздающимся звукам, здание окружали. Я услышал характерный шум приближающегося вертолѐта.

Скорость реагирования спецназа обычно от пяти до десяти минут. Значит, минимум четыре минуты у меня ещё есть. Я успел закинуть в рот последний кусочек сэндвича – и чуть им не подавился. Этих ребят я не ожидал тут увидеть от слова совсем.

Орки! «Куда мне сейчас орки?!» В них красные камни на сорок пять силы, да и сами они не слабаки, а этих сразу пятеро. Правда, одного несут, второй ранен, огнестрел – это вам не шутки. «Туго вам, ребятки, придётся в нашем мире. Но как мне вас уработать?»

Я аккуратно прошмыгнул на кухню одного из ближайших фастфудов. Стеллаж с ножами нашёл быстро. «Вот только куда мне их? Ремня нет, в штаны посыплются». Быстро пробежав по всей территории, нашёл скотч. «То, что надо!» В дело пошло всё: сковородки, доски. В общем, я слепил себе доспех из того, что было. И в таком чудном виде вышел обратно в зал.

Орки как раз дошли до ближайших скамеек и пытались перевязать раны своим товарищам. Только сейчас, при ближайшем рассмотрении, я понял: это дети! Да, они были крупные, больше взрослого человека, но крайне неуклюжие. Не было точности в движениях, понимания, что они делают. А на лице орчанки, которая перевязывала бессознательного парня, – испуг.

– Ну а теперь, детки, у вас одна минута, чтобы объяснить мне, что вы тут забыли? – прорычал я на орчьем языке. Благо опыт общения был, и он отложился в сознании. «Чудо просто!»

– Стойте! Стойте! – резко развернулась девочка, вскинув перед собой раскрытые ладони. – Мы с миром пришли! Мы пришли с миром! Мы случайно! Стойте!

– Если с миром, то почему назад не вернулись? – приготовил я нож для метания.

– Отсюда разлом не работает, – прикрыл своим телом парень-орк, выйдя вперёд, но оружие не поднял. – Мы не знали, что так бывает. Мы на спор зашли сюда. Нам домой надо, мама ругаться будет.

– Пипеп...

Глава 4

Вот как бывает? Идёшь ты на подвиг ратный: кольчужку там надеваешь, меч точишь, коня кормишь, все дела заранее делаешь срамные – ведь потом не получится. Едешь за тридевять земель дракона, значит, гасить, принцессу спасать. Приезжаешь – и выясняется, что непонятно кого и от кого спасать надо. Дракон весь побитый, с поломанными крыльями делает массаж ног принцессе.

Вот и у меня так же. Я весь нарядный: сковородками обвешан, досками разделочными. Пузырёк с шариками открыт – в кармашке стоит. В руках четыре ножа. Хотя метая я их хреново, но лучше, чем ничего. А эти «злые монстры» почти плачут и маму зовут.

– Вы на хрена тогда патрульных убили? – задал я провокационный вопрос.

– Не знаю, о ком ты, человек, и откуда знаешь наш язык, но мы никого не убили, – гордо ответил лежащий, казалось, без сознания орк.

– В вас стреляли, – указал я на него. – В тебе дырки! Что с людьми, которые сделали это с тобой?

– Оглушили! – пискнула орчанка.

Я даже не думал, что они могут так пищать.

– И что мне с вами делать? – Я опустил ножи и начал отматывать от себя предметы защиты.

– Можно нам домой? – запричитала орчанка и принялась дальше перевязывать парня.

– Можно, конечно. Только я без понятия – как. – Я защёлкнул баночку и тут же её открыл опять. – Держи, дай ему, пусть проглотит, – протянул я орчанке крупную бусинку.

– Что это? – отпрянула она, а защитник встал между нами, по-детски, но злобно таращась на меня.

– Лекарство. Правда, сертификацию ещё не прошло, тестовый образец, – начал я бурную полемику, судорожно размышляя, как и куда валить. – Дай ему, говорю. Да не яд это! – Я оттолкнул орчанку и засунул раненому в рот бусинку. – Глотай, говорю! Должно помочь. Если он не сможет идти, скорее всего, вы все покойники.

Орк глотнул бусинку – и через десять секунд его резко прогнуло. Кровь перестала литься из ран, а сами они покрылись корочкой. И хорошо, и плохо: пули остались внутри. Без доктора уже через пару часов он сляжет пластом, невзирая на то, что сейчас смог сесть.

– И впрямь лекарство, – улыбнулся он. – Почти не болит.

– Это временно. А сейчас – за мной, бегом!

Это я погорячился. Я и бег – опять несовместимые вещи. А самое ужасное – я увидел своего злейшего нынешнего врага: лестницу! Лестницу, ведущую на подвесной переход через рельсы. Дьявол! Орки меня туда занесли. Кому рассказать – не поверят: дети-орчата тащат человека, чтобы тот их спас.

На перронах ещё были люди – они тыкали в стеклянный переход пальцами. Их спешно уводили росгвардейцы и полицейские, выставляя охрану. Мы спустились на последний перрон, и по нам открыли огонь. Благо ребятки не привыкли стрелять, да и расстояние было уже не детское. Так что пальба очередью была эффектна, но неэффективна.

Мы спрыгнули на рельсы и побежали через десятки путей в сторону реки Клязьмы. Тут до неё было рукой подать. Вертушка, правда, нас пресекла, но из-за коммуникаций опуститься низко не могла. Видимо, оружия на борту не было, чисто слежка. Но это и было самым отвратительным.

Деваться было, как водится, некуда. Течение реки минимальное – вплавь оторваться не получится. Так что мы побежали по берегу. Шум вертолётки периодически перебивал вой мига-

лок и скрип тормозов слева. По самой реке уже катались патрульные катера. Вот эти уже были с оружием.

Но всё это хорошо работает только в кино. С движущегося объекта по бегущей мишени, ещё и без упора, с рук, когда качка на корабле... Ага, щас, удачи тебе в стрельбе! Дятлы выпустили по нам несколько очередей и прекратили. Мы даже скорости не сбавили.

Мне приходилось закидывать крупницы силы в сердце. Думал вначале в ноги, но вовремя понял: моё сердечко – самое слабое звено. Причём пришлось прямо на бегу закидывать малую бусинку в рот и экстренно лечить сердечко. Оно стабильно пропускало удары и хотело отдать концы, но я упрямый.

Мы бежали уже минут пятнадцать, хотя бегом это можно назвать едва ли, учитывая мою скорость. Здесь река делала изгиб вокруг какого-то завода или предприятия – даже не знаю. От него прямо к реке выходила бетонная труба метра полтора в диаметре. Мы забежали туда и упёрлись в стальную решётку из арматуры.

– Всё, детки... – устало сполз я по бетонной круглой стенке. – Приплыли. Извините, но, похоже, нам...

Договорить я не успел. Два орка выдернули решётку с корнями и облокотили на стенку.

– А, не! Ну если так – всегда вперёд!

Я при помощи орчанки встал на гудящих ногах и побежал вперёд. Водосбросный коллектор периодически петлял и разветвлялся. Несколько раз он поднимался ступенчато – приходилось карабкаться вверх по вбитым в бетон скобам. И вот наконец мы выбежали в тоннель, который был ещё и ливневой канализацией. Прямо над головой находились характерные решётки. Правда, ни я, ни орки в такие отверстия не пролезут.

Мы бежали дальше, пока не нашли первую стальную дверь. Судя по всему, это дверь для спуска персонала для очистки коллектора от загрязнений.

– Ломайте! – указал я на дверь и опять сполз по стенке.

Сердце колотилось как сумасшедшее, ноги гудели, в глазах троилось. Состояние жуткое. Где-то внутри черепа пульсировала жилка, отдавая болью в глазах.

Зря я ругал Петрушино тело, ой зря. Может, он бы тогда и не предал?

Орки буквально за минуту вскрыли стальной сейф при помощи лома и какой-то матери. Ну, ни сейфа, ни лома у них не было, да и матерей ничьих они не вспоминали. Но дверь вскрыли быстро. За дверью было небольшое буферное помещение и очередная дверь – опять стальная. Да вашу же мать! Как так-то?

Правда, здесь был поворотный механизм на двери, как на подводной лодке. Дежурное тусклое золотое освещение и голые стены. Орки поднатужились – внутри двери что-то хрустнуло, барабан начал крутиться. Дверь открылась вовнутрь, к нам. За дверью было темно, но орчанка достала из узелка яркий камешек, который освещал как неплохая лампочка.

Помещение, судя по всему, пустовало. Я быстро опомнился и побежал закрывать выломанную дверь. Наивный чукотский юноша! Оторванную дверь обратно не пришить. Значит, сюда они точно придут за нами. Куда же дальше?

Я просто наугад выбрал направление и пошёл. Ошибка: лишь успел выйти за пределы освещения, как врезался головой в какой-то станок. Потряс головой, выкидывая из глаз искры. Орчанка подошла поближе и осветила округу. Ряды станков.

Дьявол! Куда дальше? Темно, как в жопе!

Мы пошли между станками змейкой и уже через пару минут дошли до стены. А ещё через минуту нашли дверь. Эта была не заперта – ломать её не пришлось. Я аккуратно выглянул: коридор, камер нет, людей нет, свет есть. Вопрос: налево или направо? По мужской классике выбрал лево и повёл отряд.

Вокруг – двери, каждые пятьдесят метров – развилки, бесконечные коридоры. Я заглянул в несколько кабинетов: везде люди, и все очень заняты. Странно как-то, ведь и ежу понятно,

куда мы делись и куда идём. Почему не эвакуируют людей? Почему не бегают охранники и спецназ по коридорам предприятия?

Мы выскочили в огромный пустой холл. На противоположной стене – одна-единственная дверь. Назначение помещения крайне непонятно. Раненый орк уже спотыкается, на лбу появилась испарина. Повышенное содержание свинца в теле никому на пользу не пойдёт, даже орку. Ещё полчаса максимум, и он станет обузой.

Подбегаю к двери, дёргаю – и тут же замираю. Разлом! Мать его, разлом – и активный! Небольшой – в него человек едва ли просочится. Причём такие мне уже доводилось видеть: белёсая окантовка, серая плёнка – человеческий мир! Сам разлом мерцает слабо, оттенки все блёклые.

Кругом – куча аппаратуры и людей. Провода тянутся от разлома к системным блокам. Учёные в очках и белых халатах что-то печатают на клавиатурах. Несколько вооружённых людей сразу берут меня на мушку. Но стоит появиться за моей спиной оркам, как фокус военных меняется.

И вот тут раздаётся сирена. Люди пытаются вскочить, но вояки орут, чтобы сидели. За моей спиной в коридорах слышатся шум и топот. Рация на плече одного из вояк оживает:

– Внимание! На территории – шесть опасных существ. Вышли из пятна. Один похож на человека, но перемещается с зелёными существами. Повышенная...

Дослушивать я не стал. Два ножа, прихваченных на кухне в закусочной, я так и не выкинул – и не зря. Один кидаю в того, что с рацией, второй – в ближайшего охранника и на предельной скорости ломлюсь в разлом. Метать я так и не научился, поэтому оба девайса скорее пугают моих жертв, чем наносят реальный вред.

Мои спутники оценили ситуацию схожим образом, даром что дети. Они кидают своё оружие в военных и бегут за мной. Из дальних углов раздаются выстрелы. Правая лопатка – прострел навывлет. «А эти уже неплохо стреляют», – мелькнула мысль. Но всё было уже неважно: я вывалился в новый мир. А следом – мои спутники.

– Харил! Харил! – закричала орчанка.

Я обернулся – и скривился от боли в плече. Орчанка трепала одного из орков за грудки. У того голова была прострелена. «Меткие ушлёпки – хорошо, что это не моя голова».

– Человек! – зарычала она. – Помоги ему! Ты же можешь!

– Прости, – мне было откровенно жалко девочку, – сейчас я бессилен.

– Надо уходить! – проговорил раненый орк и упал на колени. – Бегите, я задержу их, сколько смогу.

– Отставить панику, – встал я на негнущихся ногах. – Они не полезут в разлом.

– Почему? – удивилась орчанка.

– Запрещено законом, – попытался я пожать плечами и едва не взвыл от боли. – Во всяком случае, официально запрещено.

Я подошёл к мертвецу и приложил руку к телу. Ну да! Куда там мне с моей жалкой «один и один»? Тут все положенные сорок пять капель, невзирая на то, что ребёнок.

Потрошить парня я не стал:

во-первых, устану объяснять причину всем остальным, а ссориться с ними пока нет резона;

во-вторых, мне его красный камень – как собаке пятая нога. Сожрать его я смогу ещё не скоро.

Я осмотрелся. Мы в лесу. Разлом, кстати, односторонний. Дьявол! Я пробыл в своём мире сутки и опять ушёл неведомо куда. Да что же такое?! С другой стороны, а что мне там делать?

Лес классический лиственный. Тропинок нет, дальше метров сорока ни хрена не видать. «За деревьями леса не видно». Полянок не наблюдается. Даже сам разлом – между деревьями. А сам я едва на сук не напоролся лицом, когда выбегал из него.

Судя по всему, полдень и тоже начало осени, как и дома. Но листва настолько плотная, что травы внизу практически нет. Температура не выше восемнадцати, дикая влажность и полумрак. Я подошёл к одному из деревьев. Мох с одной стороны – радуется. Пойдём на север. Почему? Да хрен его знает!

– Надо валить отсюда в любом случае. Надо найти укрытие, воду и желательно какую-то еду, – зажимая рану, обернулся я к оркам. – Меня надо залатать, а если вашего друга не прооперировать – ему кирдык придёт.

– Говори нормально, человек! – еле шевеля губами, произнёс раненый.

– Ты умираешь. В тебе кусочки металла, их надо достать, – начал я на пальцах объяснять оркам. – Если их не достать, ты умрёшь в ужасных муках. У меня в теле лишние дырки, их надо зашить. Есть вариант залечить их, но я пока слишком слаб.

– Веди! – сказал раненый орк и отключился.

– Есть следопыты среди вас, охотники? – начал я знакомство.

– Я! – встал один из орков.

У него было несколько шрамов на левой руке и на левой стороне лица. Он был самым низким из всех, но при этом очень плечистым. Морда как шайба, будто не его, а с какого-то жирного орка снятая.

– Звать как? – задал я следующий вопрос.

– Каган! – Орк ударил себя рукой в грудь.

– Каган, мы сейчас пойдём искать место для отдыха и ночлега. Твоя задача – найти зверя любого, завалить его и потом найти нас. Справишься?

Каган ничего не ответил: вытащил лук из-за спины, надел на тетиву стрелу и бесшумно скрылся среди деревьев. Со мной остался один подстрелыш, один в отключке и девчонка. Ну и трупик – не в счёт.

– Вам придётся как-то его нести, – почесал я репу.

– Мы справимся, человек, – ответила орчанка. – Веди.

– Меня Толик зовут.

– Кантра, – указала на себя орчанка. – Это Ферлингх, – она указала на подранка, – а это Серкач, старший нашей группы. – Она дотронулась до бессознательного тела раненого орка.

– Очень рад... Один хрен не запомню, – последнюю часть я прошептал, а продолжил про себя: «Веди, она говорит. Куда?»

Мы начали движение. Ферлох – или как его там... – короче, слабораненый был не помощник. У него тоже начали подкашиваться ноги, пошла испарина. Я осмотрел его и понял: на поиски укромного места у нас не более двадцати минут. Пули застряли у парня в плече и бедре.

Орчанка Кантра взвалила огромного орка себе на спину и двигалась за мной след в след. Метров через двести я понял: искать что-либо бессмысленно. Силы меня покидали, орчанка уже дважды спотыкалась и падала. Я сам скорее умру, чем дойду куда-нибудь.

Чуть впереди был бурелом. Несколько деревьев образовали подобие навеса, а ветки, что нападали сверху, за годы сделали крышу. Судя по земле под навесом и за его пределами, дождь не просачивается через «крышу». А это уже полдела. Стен нет, но сейчас было уже всё равно.

Зайти под навес можно было только на карачках. Мы с орчанкой затащили раненых. Второй орк хотя и был ещё в сознании, но сам перемещаться уже не мог. Серкача начал бить озноб, а пот катился градом по всему телу.

– Огонь! – прохрипел я. – Ты можешь развести огонь?

– Да, конечно, это легко, – кивнула Кантра и достала из котомки кремень.

Буквально через минуту под навесом разгоралось небольшое пламя. Интересно, что крыша у нас оказалась куполообразная, так что задохнуться дымом нам не грозило. Как и сгореть заживо в огромном костре. До потолка было метра три, если не больше.

Пока орчанка занималась костром, я попросил у неё самый острый нож или кинжал, а лучше два. За что поймал полный недоверия взгляд, но получил требуемое. Далее я обжёг один нож над огнём, а второй положил в костёр. После чего отошёл в дальний угол и справил малую нужду прямо на руки, стараясь тщательно их отмыть от налипшей грязи.

Первым решил «лечить» Ферлингха. Во-первых, у него всего две пули и его не так колбасит. Во-вторых, всегда помогают вначале более легкораненому. Иначе, пока ты будешь спасать тяжёлого, лёгкий станет тяжёлым – шансы на спасение у всех падают. К тому же он ещё был в сознании, и я смог ему объяснить, что сейчас будет очень больно, но бить меня за это не надо.

Орк кивнул и закусил рукоять своего ножа, а я приступил к экзекуции. Пользуясь одной левой рукой, я сделал продольный надрез через рану от пули. Я, конечно, не доктор, но были ситуации, когда приходилось пульки из товарищей вытаскивать. Да и из себя два раза вытаскивал.

Вот только тогда у меня был вагон инструментов: горячая вода, антисептики, антибиотики, обезболивающее и много чего ещё. А сейчас – моча, огонь и нож орка. Орк стоически перенёс надрез, даже приободрился от боли. Но когда я полез в рану пальцами – завыл. Левая рука плохо слушалась: пулю я нащупал и даже обхватил, но вот вытащить не мог. Она застряла в кости, и это плохо, очень плохо.

Пришлось идти на крайние меры и ковырять её кончиком ножа. Орк отключился, а пулька вылетела из раны. Я достал красный нож из костра и сунул его внутрь раны. Прижигать такие раны снаружи нельзя. Орк очнулся, взвыл и собрался меня бить. Но Кантра оказалась быстрее и перехватила руку буйного подранка.

Со второй раной было проще. Я уже немного приловчился, да и пуля была в мягких тканях, а не в кости. К концу экзекуции вернулся Каган, на плече у него висела перевязь из пяти кроликов и нескольких жирных птичек. Вернулся он как раз вовремя – я не знал, как подступиться к Серкачу. Его била дрожь, он бредил, что-то неразборчиво шептал и иногда махал руками.

Орку капитально не повезло, у него было четыре пули в теле: три – в груди и одна – в животе. Я сразу предупредил всех, что Ферлингх умрёт с шансом пятьдесят на пятьдесят, а вот Серкач – почти стопроцентно. При этом предупредил: если он меня хоть краем заденет, я сразу прекращу любые попытки его вылечить.

В итоге его очень быстро связали, вбили колья и привязали конечности к ним. В дополнение все трое легли на него кто куда. Как оказалось, это было зря. Стоило мне полезть пальцами в первую разрезанную рану, как орк отключился. Поэтому вся процедура прошла максимально спокойно и очень быстро.

Каган занялся ощипыванием птиц и свеживанием кроликов. А я примерялся к своей ране. Не знал, как подступиться. Прижечь её надо было с двух сторон, а со спины я банально ни черта не видел. Так ещё нож надо было всунуть в рану, которая до сих пор кровила.

– Помочь? – чуть опустив голову и поджав губы, спросила Кантра. – Ты сам, наверное, не справишься. Не бойся, меня учили врачеванию.

Я кивнул и на манер Ферлингха зажал рукоять второго ножа в зубах. Как же я себя переоценил! Стоило Кантре воткнуть в меня раскалённую сталь, как я заорал. Правда, всего на секунду. Нож, выпавший из моего рта, ещё не долетел до земли, а свет уже потух...

Глава 5

Очнулся я оттого, что перевернулся на правый бок – и взвыл. Попытался вскочить, но боль пробилась так, что с краника аж закапало. Давно такого конфуза не было, а трусиков сменных нет! Я резко перевернулся на левый бок, задышав глубоко и шумно. Глаза упрямо не хотели открываться, мысли разбегались во все стороны, сознание плыло.

Орки, Геката, Добромир, Коля-санитар, больница, барон Сам Ди, Кантра, Шая... Десятки имён и образов, сотни локаций, разные миры, существа, разломы. Выстрел! Меня передёрнуло – плечо отозвалось болью.

– Точно! В меня стреляли. Плечо! Орки-подростки. Дьявол! Что со мной?

Я подтянул левую руку к лицу и ощупал глаза. Ресницы слепила корка, пришлось её аккуратно сдирать. Сами глаза припухшие и дико чешутся. Видимо, конъюнктивит на оба глаза. Иммушка у тельца ни к чёрту.

Наконец-то я содрал грёбаную корочку с ресниц и раскрыл глаза. Ощущение было, будто в них набит песок. Резкости нет, сфокусироваться не могу – глаза сразу слезятся. Да что за фигня со мной творится?!

Отблески костра... В проходе из-под навеса виден свет – значит, сейчас день. Л – логика! Едва поводит головой по земле, чтобы осмотреться. Орков не видно. Точнее, целых орков не видно. Те, что подраненные, оба лежат рядом со мной. Один мелко трясётся и дрожит: жар! Лечение не помогло. Второй вроде нормально себя ощущает – на вид. Где же остальные? Да что же со мной творится-то такое? Плохо-то как, гадство!

Я заглянул в себя – резерв пуст. Как так? Вроде же оставалась пара крупниц?! Я приложил руку к земле и сразу выдохнул. Сознание очистилось, зрение стремительно возвращалось в норму. Резерв заполнился до краёв буквально за две секунды. Дышать сразу стало легче, но встать я ещё не мог.

Я глубоко вдохнул и выдохнул. Мысли встали на место, и я понял: у меня жар! Прижигание либо не помогло, либо не успел прижечь как должно, либо повредил себе что-то. Если учесть, что из глаза вытекло столько гноя, во мне инфекция. Иммуитета нет, и я медленно сгораю от бациллы. Не думая, вливаю всё, что есть, в правое плечо.

Чёртова жалкая единичка, а какие изменения во мне... Причём хорошего я не ощутил. А вот сознание чуть не погасло. Спасло то, что я положил руку на землю. Какого дьявола резервуар не пополняется автоматически? Что за дурацкая принудительная накачка? Почему рукой? Почему хлебалом не всасываю? Вон морда на земле лежит, пузо, кстати, тоже. И как быть теперь?

Резервуар заполнился. Сознание очистилось, ощущение в плече чуть изменилось, что не могло не радовать. Я решился на повторную заливку, но в этот раз оставил одну крупницу про запас. У меня-то их одиннадцать. Фокус удался: сознание не пыталось отлететь, хотя мне всё же поплохело. Руке стало ещё лучше, но автозакачка не произошла.

Пришлось включать ручной подсос. Глаза резало немилосердно – боль в них уже перекрывала боль в плече. Я принялся за восстановление зрения. Целых три раза пришлось закидывать в них единичку. После каждой вливки я удивлялся, насколько чётким всё стало. Видимо, пределу совершенства не было. А может, у Фёдора Михайловича ещё и со зрением беда была, а я просто не замечал?

Каждая следующая закачка удлинялась. Первый раз я впитал единичку за две секунды. После пятой вливки закачка длилась целых двадцать. При этом каждая следующая вливка давалась мне с большим трудом – сознание опять норовило отвалить в закат.

Шестую вливку (и, соответственно, третью в плечо) я уменьшил на крупницу, оставив две про запас. Помогло! Сознание не стало махать голубым платочком – так, едва поругалось.

Я приподнялся на локте, попутно впитывая силу из земли. В этот раз скорость наполнения была прям за гранью. Но я уже не умирал и мог немного подождать.

Действительно, Кагана и Кантры не было. Ферлингх и Серкач лежали недалеко от меня. Старшего группы дико трясло, а под ним растекалась лужа пота, но он был жив, что меня немало удивило и, признаюсь, обрадовало. Ферлингх спал, но крайне беспокойно: постоянно подёргивался и постанывал.

– Бросили умирающих, – скривился я, проговаривая вслух. – В своём праве... С таким балластом далеко не побежишь.

Наконец-то резерв заполнился, и я отправил новую порцию (на восемь крупниц) в плечо, предусмотрительно оставив три в запасе. Это было чертовски правильно: даже оставленные три крупницы едва удержали меня в сознании. В груди защемило. Видимо, я пока не готов к постоянным перекачкам силы.

Состояние моё уже не было критическим. Я даже смог на одной руке дотянуть своё тело до стенки, которой являлось поваленное дерево. Облокотиться всей спиной я ещё не мог: плечо болело. Я аккуратно ощупал его со спины – мокро и больно. Пальцы нащупали внушительную припухлость и дыру. А потом я заглянул себе под майку спереди. Видок хреновый: края воспалены, из раны течёт жидкость – не то гной, не то сукровица, а может, вообще кровь. Придаться невозможно.

И тут до меня доходит: я дурак! Лопатка! Мне прострелили лопатку! И теперь там внутри осколки костей. Это либо сложная операция, либо магия – много магии. Дьявол! Заражение гарантировано. Сила практически перестала пополняться: за минуту закачалось меньше пяти крупниц.

Я взглянул на раненых орчат. В целом и общем поделаться сейчас я просто ничего не мог. Я мог только смотреть, как медленно умирают эти дети, сам балансируя на грани смерти и жизни. Спустя пару минут я осознал очередную свою глупость.

– Толя, – вслух обратился я к себе, – ты пик-пук! Как так? Ты меня пугаешь.

– Да туплю что-то, извини! – сам же себе и ответил.

Я же могу расширить свой резервуар! Только не по две крупницы, как в прошлый раз, а по одной. А то две меня чуть не обнулили. И я вбил в ёмкость крупницу. Ощущений практически никаких не было. А вот резервуар увеличился до тринадцати крупниц, причём эти две крупницы сразу заполнились силой.

Я хищно оскалился и врезал ещё одной крупницей. И опять, и опять, и опять. Когда очередным ударом я углубил колодец до тридцать первой крупницы, мир мигнул. Как долго я был в отключке, не знаю. Но кровь, текущая из носа на пузо, не успела засохнуть. Видимо, всего пару минут. А вот сама ситуация неприятная.

– Ну а у нас э-э-экспериме-е-енты! – затянул я и влил в плечо сразу две с половиной единицы.

Ох, мать моя десантница! Там что-то дико затрепало, вставая на место. Мышцы натянулись, и рука дёрнулась, врезав мне под дых. Сустав встал на место. Как я понял? Да просто после резкой боли пришло облегчение. Мой краник опять дал слабинку, и свет опять потух.

Очнулся я довольно быстро. Лужа подо мной была ещё тёплой. Дьявол! Теперь ещё и штанишки запачкал. Я в сердцах ударил обеими руками по ляхам и понял: рука здорова. Отодвинул майку. Шрам был, но бледно-розовый. И это прямо-таки радовало.

Но резерв так и остался на половине капли. Я положил теперь правую руку на землю и потянул силу. Планета отозвалась. Теперь я мог примерно оценить её. Магия есть – не могу сказать, что до краёв, как в мире атлантов, но планета полная.

Вот только делилась она со мной не очень охотно – не знаю почему. Пока я принудительно руками не потяну из неё силу, сама она давать её не желала. Хотя на принудилке заполнила

меня меньше чем за минуту. Ну да ладно, главное – делится, хоть и «кривится». Ну и на том спасибо.

Опираясь на стенку-дерево, я поднялся. Мокрые спортивные, местами порванные, мерзко прилипали к ногам. Я брезгливо скривился.

– Почему, попадая в очередное ущербное тело, каждый раз я либо обсираюсь, либо вот краник даёт слабинку? Почему мне нельзя дать тело атлета? Или хотя бы обычного парня?

Ответа, как водится, не было. А я, брезгливо переставляя ноги, подошёл к расстрелянному орку – Серкачу. Орк держался, видимо, чисто на голой воле. Он уже не трясся, пот не катил градом. Дыхание было поверхностным и редким.

– Держись, пацан, – обратился я к «овощу». – Своих не бросаю.

Теперь передо мной стояло новое испытание: перегнать силу в белый спектр. Да, она у меня вроде как испорченная, но зато очень ядерная. Резервуар забурился и задымился, начав раскаляться. В груди разгорался огонь, в висках запульсировало, но сила поддавалась, меняя цвет и собираясь на ладонях.

Вены начали светиться белым от плеч до кончиков пальцев, а ладони сияли, как лампы дневного света. Любопытный эффект, раньше такого я не замечал. И я жахнул. Жахнул почти на все деньги, оставив себе одну крупичку, чисто чтобы не сдохнуть. Выпускал я силу через обе руки. Это, видимо, меня и спасло.

Собиралась сила постепенно, а вот выпустил я её сдуру разом. Пальцы и ладони, по ощущениям, разорвало – видимо, каналам пришёл пипеп. Сознание поплыло из-за опустевшего резерва. Я опустил одну руку на землю, а второй продолжил опираться на орка.

Последний, кстати, резко и глубоко вздохнул и раскрыл глаза. Судя по всему, он всё ещё пребывал в бреду, просто вливка силы была как шокер. Земля, кстати, попыталась отдать мне силу. Но каналы были уничтожены, и меня в очередной раз обожгло. Я отпрянул от земли и посмотрел на ладонь: под кожей разливался огромный синяк. Пальцы практически не слушались.

Пока они не превратились в набор сарделек, я поспешил достать пузырёк с бусинками. Пробку извлёк зубами и закинул сразу все бусины в рот. На удивление, сила практически сразу начала впитываться в меня. А я тут же принялся перегонять её в белый спектр и отправлять в ладони.

Когда после вливания единички на две руки я не заметил серьёзных изменений, стал вливать всё в одну руку. Сила залечивала каналы, но мне её просто не хватало, что показалось мне крайне странным. Почти три единички в одну ладонь, а результат сомнительный. Хорошо, если половину каналов залатал.

Пришлось сквозь боль опять тянуть силу из земли, сразу перегоняя её в нужный мне спектр и отправляя на самолечение. Когда я перекачал уже больше десятка, а правая рука ещё не пришла в порядок, я задумался: какого хера?!

Пришлось капитально погрузиться в себя и осознать: первый барьер пройден. Всё оказалось банально и просто. Не надо было в прошлый раз себя разрывать чужеродной энергией – надо было просто укрепить каналы.

Сейчас это получилось опять варварски и случайно. Но сила, которую я отправлял на лечение каналов руки, повела себя по-своему. Она начала перестройку всех каналов, просто вначале залечила самые пострадавшие и укрепила их.

– Пушистик, падла! Неужели нельзя было это объяснить сразу?!

Естественно, мне никто не ответил. Но в моих мыслях он стоял передо мной, потупив взор, заложив руки за спину, и виновато шаркал ножкой. В общем, простил я мохнатке все его прегрешения и продолжил сосать силу из планеты, которая пошла гораздо активнее, будто признав во мне мага.

Перестройка каналов продолжалась уже десять минут. Серкач давно уснул, но ему по-прежнему было крайне хреново. Его снова начало мелко трясти. К этому добавилась агония Ферлингха: его тоже начало трясти, пот катил с обоих. Откуда в них столько жидкости, я не знаю.

Сколь ни было хреново оркам, убрать руку от планеты я не смел. Я прямо чувствовал: стоит мне убрать руку – и всё, произойдёт что-то непоправимое.

Когда я закачал в себя три десятка белой силы, резерв начал наполняться, причём с безумной скоростью. Пять секунд, и во мне мои законные три единицы и каплюшка сверху. Я хмыкнул: апгрейд прошёл, скорость передачи данных повышена. Мило.

– А если так?

Я вспомнил свой хитрый трюк и начал собирать силу вне резервуара, но не «дикую», свежую, а после прохода через резервуар, при этом сразу переводя её в белую. Получилось: все три единички распределились внутри тела, и мне удалось заполнить резервуар повторно. Я попытался слить в себя ещё, но голова резко закружилась, и я остановился. Пока это мой предел.

– Ну что, братцы-кролики? Готовы оживать? – Я довольно оскалился, глядя на орчат.

Вот не могу я без экспериментов, вот не могу. Я взял и слил три единицы в Серкача через одну руку. О боги... Нет, каналы не порвало, они выдержали, но знатно пекли. Их маленько растянуло, что в целом тоже полезно.

Вообще всё, что я понял о магии за эти полтора месяца: «Любви без боли не бывает», – сказал заяц и обнял ёжика. Так что если хочешь становиться сильнее, тебе будет больно до безумия. И пока ты готов терпеть боль – ты крепчаешь.

Серкач резко сел и захлопал глазами. Сами зрачки при этом ходили из стороны в сторону. Картинка, если честно, жуткая.

– Мама? – спросил он, явно бредя.

– Спи, маленький, – погладил я его по щеке и произнёс тоненьким голоском: – Спи, спи, всё хорошо. Трамвайчики ещё спят.

– Я посплю, мама? – спросил он с глазами, полными надежды.

– Конечно, маленький, спи!

Орк упал на спину как подкошенный, а я лишь покачал головой. Этому пока хватит. Резкие вливки могут ему навредить. Надо второго пока починить, а то плющит его не по-детски.

Второму я сделал такую же вливку, только уже с другой руки. Ощущения были такие же – особенные.

Этот тоже подскочил и, уставившись на меня, запричитал:

– Это не я, мама, не я. Это всё Кантра!

– Знаю, знаю, – погладил я и этого орчонка. – Спи, маленький, спи! Трамвайчики ещё спят!

Орк заулыбался, будто ему подарили все игрушки мира, и, кивнув, упал на спину.

– Фантастические твари и где они обитают, – заговорил я сам с собой вновь. – В главных ролях – Толик!

Пришло время пополнять запасы. Автозакачки по-прежнему не было, и я принялся сосать. Сосалось довольно нормально и быстро: тридцать секунд – и дважды полный резервуар. Теперь я вливал белую силу в орков медленно.

На второй капле Серкач блаженно застонал, а я задумался: не похож он на здорового. Раны ещё даже не затянулись. Что же делать? Пока думал, сходил ко второму, влил в него две единички. Ситуация повторилась. Решил чуть-чуть подшаманить над собой. Мне хватило капли, чтобы следов от раны не осталось вовсе, а зрение стало ещё более резким.

Я заполнил свой резерв до краёв и задумался, что делать теперь. Меня посетила безумная идея: а почему бы не полечить орков их родной силой? Во мне же есть красная орочья сила? Есть! Очередная перегонка и медленная вливка в Серкача.

Орчонок закричал сквозь сон и напрягся. Я уменьшил напор. Орк расслабился, а его раны на моих глазах исчезли. Когда я слил весь запас в него, он открыл глаза.

– Ты кто? – первое, что спросил мой пациент.

Дьявол, надо было первым Ферлингха лечить. Сейчас он на меня кинется – и пипеп котёнку.

– А кем ты хочешь, чтобы я был? – склонил я голову набок, попутно набирая силу из земли. – Пять минут назад ты звал меня мамочкой.

– Не смешно, – набычился орк, а я едва не прыснул от этой картины. – Я вспомнил тебя. Ты вывел нас из злого и опасного мира.

Я с облегчением выдохнул.

– Что с остальными?

– Ферлингха сейчас подлатаю, – пожал я плечами и переместился к нему поближе. – Про остальных не знаю. А, нет, – спохватился я, – Харила убили.

– Кто?! – прорычал орк и попытался подняться, но, схватившись за старые раны, повалился обратно. – Убью!

– Убиватель! Лежи! – зарычал я на него. – Я тебя кое-как с того света вытащил. Сам чуть не окочурился. Если ты мои труды насмарку собрался пустить, позволь мне тебе башку проломить.

– Извини, – виновато склонил он голову. – Спасибо. А где Кантра? И кто всё же убил Харила?

– Потом! – зло бросил я через плечо. – Не отвлекай! Сейчас что-то не так пойдёт, и у него второй нос вырастет или колокола отвалятся.

Орк по-детски закрыл себе рот рукой и вытаращил глаза. Я быстро отвернулся, чтобы он не видел, как я смеюсь, хоть и беззвучно.

С Ферлингхом всё произошло точно так же: три капли родной силы – и орк цел и здоров. Во всяком случае, снаружи. Упадок сил и внутренние травмы ещё присутствуют.

Но уже через пару минут орки нашли в одном из «углов» нашего домика жареную и сырую крольчатину, лук Кагана и сумку Кантры.

– Где наши сестра и брат? – с толикой злости обратился ко мне Серкач.

Я посмотрел на находки и почесал репу.

– Когда очнулся, их не было. Мы все трое валялись при смерти. Ты, Серкач, едва не отошёл к праотцам. Еле успел тебя вытащить. Я, честно, думал, что они свалили, чтобы с нами не нянчиться.

– Кантра никогда бы так не сделала. Она старшая наша сестра, – с грустью проговорил Серкач.

– Получается, вы все из одной семьи? – удивился я.

– Да! – кивнул Ферлингх.

– Ну, значит, нас бросила не она, – припечатал я и закивал головой. – Нас оставили умирать те, кто забрал ваших родственников.

– И кто это такой смелый? – ударил кулаком о ладонь Серкач.

– А это, мой юный друг, нам предстоит узнать!

Глава 6

Вот как интересно всё в мире взаимосвязано! Сидел я, жевал свой сэндвич на вокзале и размышлял: как попасть в разлом и прокачаться? А тут орки. И вместо того чтобы их убить, я принялся их спасать. Спрашивается: на фига? Спасатель Малибу на минималках? А оно вон как повернулось: преодолел барьер благодаря этим шкетам.

А как их ещё назвать? Дураки – на спор полезли в разлом, да ещё и всей дружной семьёй! Только от сиски оторвались, а уже крутыми стали. Молоко вон ещё на зелёных мордах не обсохло.

Пока лечил их, думал: брошу к чертям собачьим. Но что-то прикипел я к ним. Да и, возможно, ещё будет помощь от них – как знать. Хотя эта помощь будет в очередной раз на уровне мазохизма и самобичевания. Но, как я уже говорил, в мире меча и магии без боли никуда.

Самым простым и объективным объяснением исчезновения двух самых уцелевших орков из нашей компании были люди, которые, вероятнее всего, пошли за нами в разлом из моего мира. Дождались, пока большая часть отключится, а потом схватили «зелёную зелень» и утащили на опыты.

Когда мы пришли к разлому – благо он тут рядышком был, – выяснилось: он реально был. А теперь его нет. На его месте лежит половина человеческого тела – верхняя часть. Ну и, судя по всему, он вылезал из разлома, когда тот схлопнулся. Будем иметь в виду: разломы разрезают тельце, как нож масло.

Срез ровный-ровный, будто безумно острым и грозным лезвием разрублен человек. Через плечо до сих пор висит автомат. Я перевернул половинку человека и скривился. Умирал он в мучениях, бедолага. На лице застыла гримаса ужаса и боли. Видимо, он шагнул в этот мир, но не успел довершить переход, как разлом схлопнулся. В итоге одна нога, попа и часть спины остались там, а всё остальное – тут. Не повезло бедолаге. Зато повезло мне!

Автомат цел, разгрузка сильно пострадала при разрезании. Только один рожок остался целым, остальные поломаны. Нашлось ещё две гранаты – обычные лимонки. Но тоже пойдут.

Я снял автомат с предохранителя, передёрнул затвор и сделал одиночный выстрел в дерево. Работает, и очень даже! Что не могло не радовать: а то часто в книгах читал, что в мире магии автоматы не пашут. Ещё как пашут!

Орки смотрели на меня как на бога. А когда произошёл выстрел и от дерева отлетела щепка, так и вовсе отпрыгнули в стороны, присели на корточки и закрыли уши руками. Я поднял гильзу и принялся из повреждённых рожков вынимать патроны. Всего из семи повреждённых рожков удалось собрать чуть больше сотни патронов – всего четыре с половиной рожка ультимативного оружия.

Я закинул автомат за спину.

– Разлома нет, – почесал зелёный лысый затылок Серкач. – И следов я не вижу. Их не вели туда.

– Идём назад, – пожал я плечами. – Читайте эти ваши следы – и пойдём искать.

Уже через минуту мы стояли у нашего временного жилища. Я сам себе удивлялся: расстояние, которое сутки назад я преодолевал минут пятнадцать, сейчас одолел за минуту. Правда, пришлось закидывать красную силу в ноги – за орками иначе было не угнаться.

Ферлингх, оказывается, был следопытом и охотником, как и Каган. Но изучал он следы долго и сильно хмурился. Вскоре к нему присоединился и Серкач. Они несколько минут ходили возле нашего «домика», потом прошлись куда-то в глубь леса и вернулись.

За это время я успел перекусить жёстким жареным кроликом – без соли, конечно. Отвратительная еда, но хоть что-то. После неё захотелось пить, но воды не было ни капли, а это плохо.

– Дело плохо! – начал Серкач. Оба орчонка вернулись хмурые.
– Знаю, – покивал я. – Воды нет! Надо искать реку или родник.
– Чего? Какая вода? Я о сестре тебе говорю! – распалился орк, раздувая ноздри. Запыхтел аж от возмущения.
– А что с ней? – изогнул я бровь. – Её похитили. Следов крови нет – значит, целая. Мир этот – мир людей. А с людьми всегда можно договориться.
– Если и людской это мир, то очень неправильный, – покачал головой Серкач, а меня пробил озноб.
Неправильный, говоришь? Ну да, ну да. Всё, что связано со мной, – неправильное.
– А подробнее? – поднял я обе брови и приготовился слушать очередную околесицу.
– Отпечатки ног, скорее всего, людских. Но их слишком много, и это странно как-то. Либо они очень хорошо друг друга чувствуют в лесу, либо у них три пары ног.
– Да ну на... – Я прикрыл лицо рукой.
– Отпечатки босых ног, – продолжил насыпать ужаса в копилку Серкач.
– Ну нет... – Я прикрыл лицо второй рукой.
– Следы борьбы отсутствуют. Следов волочения тоже нет. Их застали врасплох, схватили и унесли. Скорее всего, обездвигили.
– Хнык-хнык, – фальшиво заныл я.
– Что с тобой? – приблизился ко мне орк и присел на корточки.
– Я так и знал... – Я убрал руки от лица и выпрямил спину.
– Ты знаешь, кто украл наших брата и сестру? – обрадовался орк.
– Ага. Пипеп. Полный пипеп. Даже не так – пипеп в кубе, – с безумной улыбкой ругался я.
– А кто такой этот Пипеп? – спросил с недоверием Серкач.
– Очень сильный? – боязливо спросил Ферлингх.
– Пипепы бывают очень разные, – с видом знатока констатировал я. – Тут надо смотреть, к какой породе пипепов он относится.

* * *

– А какие породы бывают? – тихо спросил у меня Серкач спустя полчаса. Мы медленно крались через лесные заросли.
– Кого? – выпал я из своих мыслей о резервуаре и его улучшении.
– Пипепы эти? – с азартом ученика-ботана и блеском в глазах донимал меня Серкач.
– А-а-а... Ты про этих... – задумался я. – Ну смотри. Пипеп бывает маленький и одинокий. Зачастую приходит пошалить – просто потому, что ему скучно. Сильно не мешает, таких даже не трогают. Сам уходит. Бывает, правда, что он не уходит, а бежит за своими товарками. Приходит очень много маленьких пипепов. Они ломают всё и вся, причиняют ужасный дискомфорт и ужас, сеют хаос и смуту. Тут важно быстро и точно их ликвидировать. Иначе они тебя раздёргают, и ты зае... устанешь сильно. Самое важное во всём этом – не допустить прихода огромного пипепа. Такого полновесного и о-о-очень пушистого. Вот если он придёт – ховайся! Ничего не спасёт: он накроет тебя с головой и задушит. Самый крайний случай – когда огромный пипеп приходит не один. Тогда всё, можно даже не рыпаться.
– Ага! Ага! – кивал орк. Даже Ферлингх прислушивался к моему рассказу, едва ли следя за дорогой. – Большой, маленький – понятно. А выглядит он как?
– Пипеп... – выдал я задумчиво и замер.
Серкач сделал ещё пару шагов и тоже замер, но не потому, что увидел что-то, а из-за меня. Ферлингх остановился, потому что перестал слышать рассказ, и развернулся ко мне лицом. А я? А что я? Стою и квадратными глазами смотрю на человека-паука.

Неправильный! Неправильный человек-паук. Это человек, только у него шесть, сука, ног! Вместо восьми, как у паука. Ноги человеческие? Нет, не так. Ноги паучьи, зато заканчиваются человеческими – от колена до пальцев. Я даже вначале подумал: паук натыкал на острые лапки человеческих ножек. Нет – вон пальцами шевелит, думает, видимо.

Жопа вынесена на метр назад, заострилась. И там, где раньше природа предусматривала дырку, теперь торчит штырь. Или жало – я не знаю, не спрашивал. Рук две штуки. Только тоже паучьи, длиной метра по четыре. Но заканчиваются человеческими – от локтя. И пальчики опять шевелятся.

Ну и чёрные жвала на белой морде. Кстати, не очень большие – сантиметров десять. Тварь стоит на пригорке прямо по курсу и, склонив голову набок, изучает нас. Глаза угольно-чёрные и крупнее положенного.

Оу... Третий глаз открылся – прям во лбу! Фак! Какой же ты страшный.

– Серкач, – обратился я к орку, – стой и не шевелись.

– Пипеп? – У орка расширились глаза.

Я не стал отвечать, лишь сложил руку пистолетиком и медленно начал поднимать в сторону человека-паука. Помнится мне, никому не нравилась моя зелёная сила, даже мне самому. Поэтому я направил на кончик пальца одну единичку этой едкой субстанции и уже собирался стрелять.

Ферлингх – чтоб его мухи драли! – решил посмотреть, куда я указываю. Следопыт чёртов: поворачиваясь, сделал шаг и наступил на ветку. Раздался оглушительный хруст в полной тишине – и тварь сиганула куда-то вбок. Гниlostный плевок пролетел в метре от существа и врезался в дерево.

Только сейчас, глядя, как слизь оплавляет дерево, я понял, что моя гниль напоминает: кровь Чужого из фильма. И по консистенции, и по цвету, и по характеристикам. Но это всё лирика. Тварь унеслась куда-то вдаль.

– Это был пипеп? Тот самый? Большой? – пританцовывал Серкач на месте. Волновался, видимо.

– Боюсь, как бы он не позвал своих товарок и к нам на огонёк не пришло много таких пипепов.

Орк задумался.

– Сколько следов было возле нашего домика? – спросил я.

– Много! – кивнул Серкач. – Если они действительно шестилапые, то особей пять или шесть было точно.

– Пипеп! – Я схватился за голову.

– Где? – Оба орка закрутили головами.

Я лишь махнул рукой и присел, пополняя запас силы из земли. Вообще я крайне беспечно шагал по лесу. Резерв, конечно, полный, но в теле силу не держал. Пришлось посидеть целую минуту, закачивая в себя силу.

Первые три капли я раскидал в щит по всему телу. Вторую тройку – туда же. Попытался засунуть ещё, но тело начало отзываться болью. Тогда я начал собирать силу в запас вне основного резервуара. Три капли бегали по каналам, готовые в любое мгновение сорваться в атаку. Ну и под конец заполнил основной бак под завязку. Пытался затолкать туда ещё, но оно тупо не лезло.

– Хватит, Толя! – заговорил я сам с собой внутри белой комнаты. – Эксперименты потом!

Похоже, планка у меня поехала. Мне остро не хватает голосов в голове. Нужен психолог!

От переполняющей меня силы я аж вибрировал и, по-моему, немного светился. По сравнению с прежней мощностью двенадцать капель в моём теле – жалкие крохи. Но имеем что имеем.

Я взбежал на пригорок, на котором стояло существо, и осмотрелся. Как же я люблю и ненавижу лес! Опять за деревьями леса не видно. Дальше сорока метров ничего не разобрать.

– Ферлингх! Тут стоял шестилапый пипеп, – указал я на притоптанную траву. – Прыгнул туда! Надо его выследить.

– Не надо, Толик, – обречённо и тихо произнёс Серкач.

– Что значит не...

Я не договорил – слова застряли в горле. Нас окружали пипепы. Или человеко-пауки – кому как больше нравится. Но их было прям много. Штук пятнадцать только тех, что я видел. Оборачиваться я боялся.

– Толик? Пипеп сходил за большими пипепами? – попытался блеснуть эрудицией Серкач.

Я не ответил и поднял обе руки в виде пистолетиков. Два зелёных сгустка сорвались с моих пальцев – и через мгновение две твари завалились на землю, задёргали лапками и противно заверещали. В груди у них были дырки размером с шарик для гольфа.

Началась форменная вакханалия. Существа издали звонкий клёкот-шелест и начали прыгать во все стороны. Я «перезарядил» своё оружие, на этот раз приготовив не по целой капле, а по половинке: пять крупниц. Только вот автонаведения не было предусмотрено заводом-производителем. Так что я пока просто крутился на месте, выбивая следующую жертву.

Тварь выпрыгнула на меня со спины и, жутко шипя, пнула двумя ногами в спину. Моя здоровенная туша покатилась с пригорка кубарем. Калейдоскоп остановился ударом поясницы о дерево. Внутри, благо, ничего не хрустнуло, но капля силы слетела со щита. Живём.

Голова кружилась – объекты моей тёплой любви никак не хотели замирать. Причём тварь на холме открыто смеялась, стоя неподвижно. Фёдор Михайлович явно не был космонавтом – вестибулярка ни к чёрту. Я попытался встать, но куда там... Где-то на грани слышимости доносились лязг металла, чавканье, рыки и крики. Видимо, орки развлекаются.

Наконец картинка остановилась, и я выстрелил. Как оказалось, половинка тоже достойно умертвляет паучков. Просто насквозь не пробивает. Но у нас такой цели и не стояло, так что можно считать это успехом.

Пока я валялся, времени даром не терял и успел опять себя заполнить до краёв. Встал и сразу отстрелил головы троим из пяти наседавших на братьев-орков. Но тут же получил серьёзного леща по щам и был нокаутирован.

Пока приходил в себя, меня уже оседлали. Надо мной нависла задница. Вот натурально задница размером с полкапота легковушки. Это и звучит, и выглядит ужасно. А хуже всего, когда ты видишь острый предмет, зажатый между булками, и понимаешь, что этим предметом тебя сейчас будут тыкать. Убийство при помощи задницы – ужас!

Я вспомнил свою не самую удачную фицу – выстрел из глаз. Да ещё и так перепугался, что шарахнул сразу двумя каплями. Выстрел проделал в заднице две огромные сквозные дыры в анатомически неверном месте. При этом тварь не подохла, а начала носиться по территории, как в жопу укушенная. Сносила своих товарок и билась о деревья. Любопытный эффект.

Резерв был вновь пополнен, и я изменил тактику: начал целиться в огромные попки человеко-пауков. Какая началась дискотека! Мама мия! Это оказалось эффективнее, чем сразу убивать их.

Такая дырявожопая тварь сносила своих товарок, которых я тут же отоваривал в мягкие части тела. Они начинали носиться тоже – и так без конца. Причём, как выяснилось чуть позже, существа дохли, просто не сразу. Буквально через полминуты забега из новых отверстий начало литься что-то белёсое. А ещё примерно через минуту создания падали без сил. Их уже добивали братья-орки.

Правда, первые пару минут дискотеки я боялся, что орчат просто растопчут. Твари бежали без разбора дороги. Но орки оказались крепкими ребятами: да, помяло их немного, потоптало, но настрой был боевой.

Я подошёл к одной из упокоенных тварей и призадумался. Если этот мир населён такими людьми, то нам лучше свалить отсюда. Хотя вон валяется два десятка паучков – и это я слабее,

чем когда в Петю вселился. Главное, чтобы их несколько сотен не набежало. Или чтобы не оказалось, что это самые слабые из местных жителей.

Пришло время собирать камни. Я позаимствовал нож у Ферлингха и вскрыл первую жертву. В ней меня ждал крошечный серый шарик. Я под перекошенными взглядами своих спутников сразу же закинул бусину в рот и проглотил.

Не могу сказать, что я сильно поторопился. Неприятно было, но не очень. Сила знакомая, хотя и немного иная, нежели в обычных людях, к которой я привык. Содержание силы небольшое – четыре капли. Так что усвоил я её оперативно, восстановив полностью щит и заполнив оба резерва. После чего сказал оркам вскрыть все тела и извлечь бусины. Выдал им пузырьёк, а сам сел под дерево и решил немного поэкспериментировать.

Пришло время растягивать свой резервуар. Сейчас он выглядел как глубокий колодец в скале, из-за чего даже после преодоления барьера резкое выкачивание колодца до дна приводило к дискомфорту. Но что бы я ни делал, скала не хотела расширяться – сила просто выливалась обратно.

Тогда я решил повторить опыт с ударом силой. Только теперь направил его не на дно, а на стенку вскользь. Сработало слабо: небольшой пласт откололся, резервуар увеличился, но меньше чем на крупицу. Это меня категорически не устраивало. Тем временем мои орки почти закончили вскрытие – время поджимало.

Я погрузился в себя, закрыв глаза, и очутился на плато огромной горы. В её центре был небольшой колодец. Даже не так: не колодец, а небольшое углубление с разноцветной жидкостью. Диаметр был сантиметров десять, а глубина – около тридцати.

– Ясно-понятно. Это мой резервуар. А гора? Мои потенциальные возможности?

Меня передёрнуло. Пределов плато я не видел – размер горы мог только предполагать, и это пугало. Особенно пугало то, что раньше всё было по-другому. Я помню свой резервуар в Пете – обычный котёл. Ну, не совсем обычный, но котёл. А тут мне сразу показывают перспективы. Просто бери и копай.

– Бинго! Даун! Копай!

Я тут же создал из своей силы лопату и попытался копнуть.

– Ага, как же! Копать камень! Кирка нужна!

Только я хотел переделать лопату в кирку, как меня бесцеремонно прервали.

– Толик! Пора идти! – раздался голос Серкача над ухом, и началась жуткая тряска – меня явно трясли. – Ты уснул, что ли?

Я открыл глаза и устало, осуждающе посмотрел на орка. Тот даже стушевался и отошёл на шаг.

– Мы это... – виновато и запинаясь заговорил он, – собрали все шарики. Собрали в бутылочку, как ты и сказал. Идти надо! Ферлингх нашёл следы. Сестра, брат!

– Собрали? – Я прищурился, вставая. – Молодцы. Давай баночку. Ведите.

– Толик, а для чего ты ешь эти шарики? – всё же не выдержал Серкач и задал вопрос спустя минуту нашего похода.

– Силу даёт, магию, – ответил я любознательному подростку.

– Как у шаманов? – Глаза орка загорелись интересом.

– Возможно. У вас же есть способности? Сила там, ловкость? Умения какие-то? – Я вопросительно посмотрел на орчат.

– Нет... Ну то есть да. Мы сильные, но колдовать не умеем, – пожал плечами Ферлингх.

– погоди! – Я даже остановился. – А решётку в канализации и дверь металлическую вы как сломали?

– Силой! – ударил себя рукой в грудь Серкач.

– А следы читаете? А как ты сражался с этими пауками?

– Пипепы? – спросил Серкач, а я кивнул. – Ну так мы тренировались много. Мы самые ловкие в своём поколении. Наш отец – тысячник самого великого вождя. Он нас всему научил.

– Погоди, – я пытался осознать всё, – получается, магии в вашем мире практически нет?

– Не-а, – покачал головой Ферлингх. – Толик? Научи магии! Я знаю, ты можешь! Пожалуйста.

На меня уставились две пары больших глаз, как у того кота из «Шрека».

– Пипеп...

Глава 7

Стоило мне произнести последнее слово, как оба орка выхватили оружие и заозирались. Но, никого не найдя, посмотрели на меня с удивлением и сомнением. Синхронно спросили:

– Где?

Я ничего не ответил, лишь отмахнулся и жестами показал, что надо двигаться дальше. А сам призадумался. «Получается, они из немагического мира». Вопросов стало больше, чем ответов. «Собственно, когда было иначе?» Я до сих пор не понимаю очень многого. Самый главный вопрос: на кой ляд я сдался сразу двум демиургам?

Но, решив пока чуть приземлить свои влажные мечты, стал расспрашивать орков об их жизни и мире. Точнее, одного Серкача. Ферлингх изучал следы и вёл нас неспешно по лесу.

Мир, из которого пришли орки, был чем-то похож на мой родной. Он не имел ничего общего с мирами, в которых я провёл больше двух месяцев. Магией у них даже не пахло – судя по всему, их шаманы были шарлатанами. И их мифический бог был прям как у меня на планете: вера есть, церкви есть (в их случае – капища), а магии и чудес нет.

Присутствовали легенды и мифы о великих магах, чудесах различных – но и всё на этом.

Уровень самого развития я оценил как древнеримский. Света нет, газа нет, технологий тоже нет, но оружие и военная подготовка на высоте. К тому же безумная сила по меркам обычного человека, что слабо вязалось с отсутствием магии.

Сам уклад их мира был не особо отличен от древнеримского, хотя и имел свои изюминки. Например, то, что они все родственники и на вид все одного возраста, было неспроста. Рожают там орчанки обычно пачками, как свиноматки: по четыре орчонка минимум.

Так получилось, что их мамка – какая-то родовитая – умудрилась родить одну орчанку, Кантру. Рождение одного-единственного ребёнка за раз считалось благословением богов и признаком благородства крови. Но при всём при этом семьи с десятью детьми и меньше считались ущербными.

Вторыми родами их мамка выдала на свет сразу четверых отпрысков: Кагана, Ферлингха, Серкача и ныне покойного Харила. Это тоже считалось небольшим приплодом, так что их родители пошли на третий заход, который выдал сразу восьмерых детишек.

Я смотрел квадратными глазами, когда мне это рассказывали. Это же как их кормить всех титками? Они же там до земли должны отвиснуть!

Всё оказалось проще: питаются орчата вместе с местными мелкими рогатыми животинками. Так что сами мамки не страдают. Следят за приплодом пожилые родственники, пока орчанки сражаются.

Да, битвы в их мире – нормальное явление. Постоянные войны и, как следствие, смерти. Иногда матери сражаются, будучи на сносях. Так что смерть Харила ребятки восприняли совершенно спокойно – как чаю попили. Умер и умер. Даже хоронить не стали: оттащили под дерево, накидали сверху камней и отправились спасать ещё живых родичей.

В целом, конечно, рационально, но слишком прагматично, как по мне. Мысли о смерти моих спутников не дают мне покоя. А тут – целый брат, и им фиолетово. Точнее, наверное, зелено.

Обрядов взросления у них нет. Возрастных рамок тоже. Ты можешь хоть в двенадцать лет иметь свой дом, семью и детей, если хватит сил и денег. Моим же спутникам было уже по пятнадцать лет, а сестре их – шестнадцать. Хоть я не совсем понял их летоисчисление. Да и неважно оно мне было.

Отдельным видом искусства стало моё объяснение слова «пипеп» и его применения в жизни. А то я их ввёл в заблуждение, назвав пауков пипепами. Сейчас заучат и начнут дёргаться каждый раз при упоминании этого слова.

Так за рассказами Серкача мы и вышли к логову «паучков». Картина была любопытная. Тут бегало не больше десятка особей, из которых трое были сильно ранены. Один, видимо, был подстрелен моим плевком – но выжил. Видать, некоторые отступили к лагерю.

Остальные метались. Сам лагерь был условным: просто полянка между деревьями, которую так капитально обмотали синей паутиной. На этой паутине висели десятки коконов разных размеров, от небольших (не больше зайца) до огромных (куда медведь может поместиться).

Несколько паучков носились по паутинке, торопливо отвязывая коконы. А ещё несколько уносили их в разлом. Твари явно эвакуировались с планеты и забирали с собой припасы. Колонизация не удалась – пауки в ужасе сматывали удочки. А значит, они могут так и родню орков утащить в свой мир. Надо действовать, пока не поздно. Если ещё не поздно...

Собственно, после бойни в лесу мы справились очень легко и быстро. Там на нас напало почти два десятка тварей – и со всех сторон. А тут – жалкий десяток. К тому же трое ранены, а остальные – явно не бойцы. Да даже если бы и были бойцами... Я моментально упокоил двоих. Ферлингх снял снайперским выстрелом из лука третьего.

Двое скрылись в разломе. Ещё двоих я успел пристрелить прямо возле плёнки перехода. Серкач, как мясник, зарезал раненых. Собственно, на этом битва и закончилась.

Вытоптанная полянка, паутина на деревьях – и всё. Никаких строений, даже нужника нет.

Теперь возник вопрос: как найти орков среди десятков коконов? Вариант «как с иголкой в стогу сена» не подходит. Снимать их и опускать вниз – мучное занятие. К тому же многие коконы не соответствовали габаритам.

Пришлось лазать, аки обезьянкам, по паутине к мало-мальски подходящим по размерам коконам и вскрывать их прямо в воздухе. В основном в них были люди. Самые обычные и, самое грустное, мёртвые. Пока братя с паникой в глазах пытались отыскать родню, я решил немного поизучать содержимое покойничков.

Спустил на землю одного «коконизированного» человека и детально всё осмотрел. Человек лет сорока, мужчина. Лысенький, коренастый. Лицо... а хрен поймёшь – лицо как лицо, и неважно вообще. Выглядит довольно свежим трупиком, при этом мягким. Что странно, окоченения нет.

Пощупал – тёплый. Офигел от результата. Содрал всю паутину с тела и нашёл нехилую такую дырку в пузике. Делать было нечего, и я решил вскрыть тельце. Боги, мои боги. Какая мерзость! Все внутренности представляли собой бульон. Даже рёбра уже начали потихоньку плавиться, как и мясо вокруг пуза. Сам процесс переработки выделял тепло, потому и труп был тёплый.

Собственно, удивительного ничего нет. Обычные пауки так и делают: впрыскивают свой токсин-парализатор, чтобы жертва не дёргалась. Потом заматывают плотно в кокон и впрыскивают уже другой яд. Он полностью разлагает жертву, превращая её в питательный бульон, который потом паучок успешно выпивает.

Причём камня силы в человеке не обнаружилось, даже минимального по размеру. Его либо уже переработали, либо не было, либо за сроком давности смерти он испарился.

Я посмотрел на суетившихся орков в паутине, и мне стало грустно. Они ищут трупы своих родственников. Вот что бывает, когда родителей не слушаешься: вошли в разлом – и сразу приключения. Точнее, трупы. И если бы врагов... так нет же. И помочь я им уже ничем не могу. Мой резерв мизерный.

Хотя... А почему бы его не расширить? А будет ли жить существо после таких метаморфоз с пузиком? Я скептически глянул на труп у своих ног. А если их родня – свежееотравленная и ещё не успела перевариться в паучий бульон? Может, и будет жить. А может, удастся даже остановить разложение. Я же всё-таки воскрешатель – или где? Должен же я воскрешать всё, что почил?!

Надо отметить, что паутина была безумно липкой. Я еле поднялся и спустился с высоты двух метров. А эти орчата лазают по ней, как мартышки. Правда, паутина местами уже в хлам подранная. Но это мелочи, если в те области больше не лазить.

Вначале думал поговорить с парнями, но потом решил их не отвлекать – больно сосредоточенные лица у них были. Отошёл к ближайшему дереву, не заляпанному паутиной, сел и погрузился в себя.

На удивление, это оказалось легко и просто. Я миновал мягкую комнату и оказался на плато.

– Забавно, однако, – размышлял я вслух, изучая окружение. – Я так реально свихнусь. То у меня в голове был Дом советов. Теперь вот гора выросла, которую я собираюсь киркой бить. Мне всё больше кажется, что я лежу в реанимации после аварии. Но не будем о грустном.

В моих руках появилась кирка или кирка́ – как там правильно? В общем, предмет для долбления твёрдых пород. И я начал, собственно, эту породу долбить.

Каждый удар выплескивал небольшое количество силы из вместилища. Но при этом эффекта не было: кирка отскакивала от стенок, не причиняя никаких увечий этим самым стенкам.

Я присел на корточки и задумался: что же делать? Как эту проклятую ямку расширить?

При этом стал свидетелем удивительного зрелища: капли, которые разлетелись вокруг, начали собираться. Они, как в «Терминаторе», собирались в большие капли и текли обратно в резервуар. При этом, когда они возвращались на место, я ощущал лёгкое тепло.

Кирка исчезла по моему желанию, и я сел на колени возле своего источника. Засунул туда руку и провёл по нему. Ощущений не было никаких. Разве что когда опускал руку, будто в неньютоновскую жидкость погружал.

Я вытащил руки и мысленно пожелал, чтобы в ладонях появился нож. Но не как кирка в прошлый раз, а именно из силы.

Жидкость пошла рябью. Небольшая её часть отделилась от общего объёма и поднялась вверх. Я наблюдал за этим, слегка ухмыляясь и приподнимая бровь. Крайне забавное зрелище. На уровне моей груди сгусток замер и начал медленно трансформироваться. Он постепенно приобретал черты кухонного ножа – именно этот образ был у меня в голове. Чем детальнее я его представлял, тем быстрее шёл процесс превращения.

Когда все метаморфозы завершились, я протянул руку и взял нож. Рукоять была тёплой, как и лезвие. Самый обыкновенный кухонный нож. Я взглянул на вместилище: там не хватало немного – по виду и ощущению, пары крупин. Занятно...

Я присел и ковырнул край колодца. «Чудо чудное, диво дивное!» Кусок камня просто исчез, будто впитался в нож. Правда, и нож стал в два раза тоньше и меньше. Теперь это был перочинный ножик. Я срезал ещё небольшой кусочек скалы, и нож истаял в моих руках, как и пласт камня.

Дело пошло споро. Я зачерпнул всю имеющуюся в резервуаре силу и создал из неё самую обыкновенную кирку: деревянная ручка, стальное основание. С одной стороны – лопатка, с другой – острый носик. Сделал я это немного опрометчиво: в реальности меня качнуло. Благо сидел у дерева.

«Надо бы чуть аккуратнее, что ли? Хотя – в топку аккуратность!» – подумал я и вмазал что есть силы по краю колодца, рассчитывая отколоть знатный кусок.

Эпическая сила – как меня скрутило! Какой же я... гений. Раньше я долбил крупинцами, и они выбивали объём в два раза больше себя. А тут я всем резервом ушатал о край.

Огромный пласт породы истаял – объём сразу увеличился вдвое. При этом кирка осталась в руках, а я упал рядом как подкошенный. В реальности я завалился на бок и мелко трясся. Из носа и ушей текла кровь, всё тело сводило спазмами и судорогами. Меня даже здесь, в моём внутреннем мире, потряхивало, зубы сводило до дрожи.

Я вспомнил, что по моему телу блуждают целых три единички силы, и попытался ими себе как-то помочь, но, по-видимому, сделал только хуже. Начиная с того, что банальное движение силы по каналам вызывало боль, и заканчивая полным непониманием, что с этой силой делать. Я решил вернуть её в резервуар. Это частично помогло. Он заполнился наполовину, и боль немного стихла.

Я смог сесть – правда, только внутри своего мира. В реальном же меня всё ещё плющило.

– Резерв – шесть с копейками. Уже неплохо, – прохрипел я. – Но почему-то мне кажется, что этих страданий мало. Мне надо развиваться быстрее. А раз я не знаю других способов развития, кроме страданий, – будем страдать.

И я обнял ёжика. Точнее – врезал ещё раз, теперь с другой стороны. Кирка истаяла, кусок горы тоже – и я потерял сознание. Точнее, не так: всё вокруг померкло, ощущение связи с телом пропало. Я остался один в крошечной пустоте.

– Пик-пук! – раздалось у меня за спиной.

– Пушистик! – Я радостно крутнулся вокруг своей оси.

Ну как крутнулся... Ну как вокруг оси. Вокруг – мрак, да и ощущения тела нет. Повернулся я или нет, абсолютно непонятно. Меня пробрал дикий ужас – животный, первобытный. Он проникал в меня липкими щупальцами и сдавливал сознание.

– Пушистик! – попытался позвать я. – Братец!

– Не брат ты мне, гнида кожаная, – раздался гневный голос в ответ одновременно со всех сторон. – Из-за тебя и твоих действий погибли миллионы разумных.

– Что? Как? Там было много трупов, но я думал, это всё иллюзия. Барон дважды менял вид вокруг. Что случи...

– Ты жалок! Ты не смог сам преодолеть первый барьер! Из-за тебя погибли Клим и Коля, Кваг и Зулу.

– Нет, погоди, – пытался я сражаться с безумным страхом, – Кваг и Зулу были в мире атлантов. У них там своя дискотека.

Права была в своё время Ди: за шутками я пытаюсь спрятать свой страх, который сейчас лезет из меня бескрайними потоками.

– Они пришли спасти Гекату! Которая тоже погибла! С твоим ребёнком, между прочим! – не унимался голос.

Если до последних его слов я впал практически в безумие, то сейчас меня как водой окатило.

– А-а-а-а! Морда мохнатая! Звездёж! Это всё твоя лирика. Мне демиург сказал, что мои дети живы! Дети! – выделил я это особой интонацией. – Понимаешь, да, жопа ты мохнатая?! Не ребёнок, а дети! Оба!

На небе зажглось несколько звёзд. Ну, я думаю, это всё же небо.

– Все демиурги врут! – рассмеялся голос. – Тебе ли не знать? Кралайн отдал жизнь за тебя в войне с демиургами, а ты им всё ещё веришь?!

– Кралайн сделал свой выбор сам! – Я ощутил свои ноги, которые твёрдо стояли. На земле? Пусть будет на земле.

– Да, он выбрал свой путь сам, – снисходительно согласился голос. – Ради чего? Чтобы ты всё похерил? Чтобы все, кто тебе дорог, погибли? Ха-ха-ха. Толик-Толик... Столько лет бежать от привязанностей, а получив их – просрать. Достижение века.

– Много ты знаешь, тварь! – Земля ушла из-под ног, звёзды начали меркнуть и гаснуть.

– Много, Толя, много. Знаю, как унижали тебя в детдоме. Как оскорбляли и предавали. Как тебя позорили и избивали. Знаю всё! – кричал в экстазе голос. – Ты всю свою жизнь был ничтожеством. Ты не способен ни любить, ни уж тем более быть любимым. Эти миры не для тебя. Ты побывал уже в десятках миров – и нигде, заметь, нигде тебе не было места. Может, пора остановиться? – Голос перешёл на тихий заискивающий шёпот. Он укачивал, баюкал. –

Хватит этих скитаний! Их никто не оценит. Оно никому не надо, – по-доброму шептал голос. – Если ты только вредишь своими действиями, может, не надо действовать? Отдыха-а-ай...

Голос говорил ровно и монотонно, медленно и нараспев. И он был прав.

Какой смысл в моей беготне? Что мне это дало? Боль и страдания? А что это дало остальным? Горечь и поражение? Смерть? Множество смертей...

Глаза закрылись. Правда, были ли у меня эти глаза? Сердце останавливалось. А было ли оно у меня? Сознание тухло. Что такое сознание? Кто я? Какая разница! Спать...

Сердце замедляло свой бег, прекрасно убаюкивая и погружая в пустоту. Вот оно пробило последний удар и встало.

Секунда...

Вторая...

ВЗРЫВ!

Мир квакеров. Момент выхода из беседки после общего совещания, когда Геката оставила меня и мир мигнул. Тогда я всё забыл. А теперь...

– Остановись! – Я видел Пьеру и опять был собой.

Как эти качели уже надоели! Я не я, и хата не моя. Постоянно быть тупым болванчиком и бегать, лишь на краткие мгновения становясь собой. Осознавать масштабы кривости движений под руководством хомяка-маньяка – ужасно. Но выбора не было. Сам Ди может многое натворить, узнай он о нашем плане. Приходится терпеть.

– Что опять? – спросил я, борясь с гневом.

– Нас раскрыли! Барон всё знает и уже имеет доступ в этот мир, – сухо припечатала Пьера.

– И почему мы ещё дышим? – Сердце заколотилось бешеным зайцем. – Этот разговор он тоже узнает!

– Этот разговор я спрячу в талисман Гекаты! Ты о нём узнаешь лишь перед смертью. Он же не даст тебе умереть. А барон? – Она склонила голову. – Он играет. Он всегда играл. Просто знай: не всё, что ты видишь в астральном мире, – истина. Этот мир изменчив и непредсказуем. Время тут может двигаться в любом направлении.

Смерть здесь не есть смерть там, а есть жизнь. Так и жизнь тут не есть жизнь там, а есть смерть.

– Чего, мля?! – выпучил я глаза, а из ушей пошёл пар. – Ты поняла, что сказала?

– Я? Да! А ты? – Она приблизилась вплотную и заглянула в глаза. – В мирах, где есть магия, нет ничего невозможного. А астральный мир есть магия. Даже на Тверди есть свои законы – здесь законов нет!

ВЗРЫВ!

Сердце обожгло огнём! Образ Гекаты возник в разгорающемся сознании. Её последний поцелуй, её прикосновения к моим душе и телу... Голос начал что-то кричать, угрожать и советовать. Но это было уже неважно.

Моя душа собралась воедино. Это не было как в прошлый раз, когда Бог собирал мою душу по крупицам. Она собралась сама. И главное – я понял: в прошлый раз Бог не собрал её всю. Я был неполноценным, именно поэтому ему удалось завладеть Петей. Тогда я не прошёл через свой первый барьер.

Тогда, но не сейчас. Здесь вам не тут. Жизнь не есть жизнь, а смерть не есть смерть. Это всё ещё не конец.

На небе зажигались звёзды, одна за другой. Откуда-то ударил луч света и тут же погас. Возможно, вернулась память, ведь теперь я помнил каждый момент всех разговоров с Пьерой. Голос затихал.

Я лежал и смотрел на звёзды, которые стали немного тусклее. Дышать было тяжело – видимо, я ещё не до конца пришёл в себя. Пошевелиться тоже не получалось. На меня что-то давило со всех сторон. Тварь – отпускать не хочет.

– Хрен тебе во все отверстия! Я вылезу отсюда и найду тебя, кем бы ты ни был. Потом найду сраного барона и заставлю вас совокупляться в самых разных позах. А когда мне надоест...

– Толик? – раздался издали испуганный голос Серкача. – Ты жив?

– Конечно, вашу мать, я жив! – резко переключился я с матерной тирады, обращённой непонятно к кому, и попытался понять, что происходит.

– Ой, – раздался сконфуженный вскрик Ферлингха. – А мы тебя случайно похоронили.

– Что?! Опять?! Пипеп...

Глава 8

Выжить, чтобы воскреснуть. Опять! Или снова? Как правильно? В общем... Пока я там сражался со своим внутренним «я», собирал душу (или она собиралась сама), эти деятели зелёные меня похоронили. Ну а что? Я же сидел у дерева, а потом прилёг отдохнуть. Как оказалось, прилёг капитально так.

Сердце, говорят, не билось, дышать я не дышал. Зелёные нашли своих сестру и брата, спустили их на землю грешную. Те тоже уже были мертвы – ну, они и решили похоронить нас втроём. Вместе веселее, так сказать.

И это ещё хорошо, что похороны у них чисто номинальные: камнями обложили – и нормально. Да и откопали меня чисто случайно. Похороны состоялись почти три часа назад, а братья никак не могли решить, что им дальше делать.

Я же пребывал в лёгком шоке и бешенстве. Ну как сказать – лёгком? Скорее, в полном ауте. У меня пока всё очень плохо укладывалось в голове, особенно слова Пьеры о жизни и смерти в астральном мире. Хотя они худо-бедно вязались со словами демиурга...

– Твои ДЕТИ!

Хотя я точно помню, что Геката растаяла в сизой дымке. А ещё бабка сказала, что у меня не более полугода, ну, может, чуть больше. Навевает на разные мысли.

Так ещё и получается, что Геката дала мне не простые талисманы и вживила их в меня не просто так. Причём сейчас я чувствую: талисман, который был в сердце, исчез, исполнив своё предназначение. А ведь есть ещё в кокошках... За что он отвечает?

Получается, мной до сих пор играют, и это раздражает до дрожи. Но вариантов особо нет, как и всегда. Видимо, только когда появятся эти самые варианты, наступит свобода.

Зато радовало моё состояние: я преодолел этот мифический барьер. И, кажется, теперь понял, что для этого надо: принять себя и свои поступки и, главное, быть готовым за них ответить.

Я взял на себя сдуру кучу ответственности и людей, но последствия не хотел разгребать. А надо. Это меня и убивало. Но теперь я точно знаю, чего хочу и почему. Осталось лишь найти способ.

Отдельно радовало моё вместилище-резервуар. Десять единиц, и он теперь имел функцию автозаполнения. Наполнялся он медленнее, чем при прямом контакте с планетой, но наполнялся. При этом сила в нём была очень концентрированная. Возможно, это связано с тем, что гора огромная и может выдержать... не знаю сколько – но, видимо, много. Но факт был фактом: концентрация была серьёзная, и я это чувствовал. Двукратная точно, может, даже трёхкратная. Надо проверять!

Расширяться дальше я пока не рискнул, ещё и с такой концентрацией. А вот изучить мёртвых орков мог и хотел вполне.

Я приложил руку к телу Кантры. Оно было тёплым – процесс разложения был в самом разгаре. Меня передёрнуло: из-за него я не мог нормально оценить требуемое количество силы. Почесал репу и выдал:

– Вскрытие покажет.

Орки крайне негодовали и не хотели мне давать потрошить их ненаглядную сестричку. Пришлось целых десять минут потратить на объяснения. О магии они знали из мифов и легенд, как и о некромантии. Хотя я не некромант, а воскрешатель. Для кого-то, может, неочевидная разница, но она есть: некроманты поднимают тела, а я возвращаю души.

В конечном итоге я с горем пополам объяснил им, что по-другому никак. Надо вскрыть и посмотреть, так сказать, на проблему изнутри. Камень силы я нашёл в Кантре – он был совсем небольшим. Как и полагается оркам, красный, правда, с вкраплениями жёлтого и синего.

Я задумался и вскрыл Кагана. Опять красный камень и опять с вкраплениями, только в этот раз точки и мазки были чёрными.

Органов практически не осталось, только лёгкие и сердце. Весь кишечник был в виде жижи. Я попытался её вычерпать руками, но отёрнул их: на пальцах был ужасный химический ожог.

Пришлось направить в них несколько крупиц белой силы. Получилось это на редкость легко и непринуждённо, а главное – лечение было мгновенным. Я одобрительно хмыкнул и улыбнулся. Прикоснувшись к боку Кантры, отправил в неё две единицы белой энергии.

Судя по всему, немного переборщил: все процессы сразу прекратились. Жидкость перестала бурлить, а органы – разлагаться на глазах. Камень, находящийся возле сердца, начал ярко светиться, даже слепил, если на него смотреть. Я произвёл те же действия с Каганом и уселся между телами.

– Теперь, братцы-кролики, берите ваших родственников – и уходим к вашему первому погибшему братцу, – резюмировал я, хлопнув себя по коленям и вставая на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.